



СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕВЯТОЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

МDCCCXLI.

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

ІХ.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕВЯТОЙ.

Изданіемъ Ильи Глазунова, Матвѣя Заикина и К^о.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

№ 3130 Издатель *Матвей Звонимовъ*

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СТІХОТВОРЕНІЯ.

| | <i>стрик.</i> |
|---------------------------|---------------|
| Мѣдный Всадникъ | 3 |
| Каменный гость | 27 |
| Русалка | 71 |
| Галубь | 107 |

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

| | |
|---|-----|
| Памятникъ | 121 |
| Разлука | 123 |
| Желаніе | 125 |
| Сѣтованіе | 128 |
| Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума | 129 |
| Художнику | 131 |
| Въ альбомъ | 132 |
| Демонъ | 133 |
| Три ключа | 135 |
| Нажъ, или пятнадцати-лѣтній король | 136 |
| А. Д. Баратынской | 137 |
| Д. В. Давыдову (при посылкѣ истор. Пугачев бунта) | 138 |
| Въ альбомъ Мих. Андр. Щербинину | 139 |
| Осеннее чувство | 141 |
| Ея глаза (въ отвѣтъ на стихи князя В — го) | 142 |

Антологическія стихотворенія:

| | |
|---|-----|
| I. Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила | 143 |
| II. Не розу Гяеотскую | 144 |
| III. LVII ода Анакреона. | 145 |
| IV. Богъ веселый винограда | 146 |
| V. Юноша! скромно нируй | 147 |
| VI. Мальчику (изъ Катумла). | 148 |
| VII. Изъ Анакреона (огривочъ). | 149 |
| Подражаніе Итальянскому | 150 |
| Жалоба | 151 |
| Добрый советъ. | 152 |
| Къ * * * | 153 |
| Подражаніе Арабскому | 154 |
| Лейла | 155 |
| М. А. Г. | 156 |
| Липейская годовщина. | 157 |
| Къ Н * * | 159 |

II

| | <i>страни.</i> |
|---|----------------|
| Разставаніе | 160 |
| Романсъ | 161 |
| Аквилонъ | 162 |
| Ночью, во время безсонницы | 163 |
| Заклинаніе | 164 |
| Капризь | 166 |
| Отрывокъ | 168 |
| М* | 171 |
| Подражанія Данту | 172 |
| Родригъ | 177 |
| Отрывокъ. | 183 |
| Альбомъ Онѣгина | 187 |
| Сцены изъ Бориса Годунова | 193 |
| Последніе цвѣты | 200 |
| Къ женщинѣ-поэту | 201 |
| Кто знаетъ край | 202 |
| Альфонсъ (начало поэмы) | 205 |
| Осень | 207 |
| Начало поэмы | 212 |
| Кромъшникъ. | 215 |
| Герой | 218 |
| В. С. Ф*** | 222 |
| Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ | 225 |
| ПОСЛЕДНІЯ ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА. | |
| Лицейская годовщина. | 235 |
| Молитва | 239 |
| Опять на родинѣ | 240 |
| ПРИБАВЛЕНІЕ. — ЛИЦЕЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ. | |
| Къ моей чернильницѣ | 245 |
| Бова (отрывокъ изъ поэмы). | 249 |
| Красавицѣ, которая нюхала табакъ | 259 |
| Къ Натальѣ | 261 |
| Къ молодой актрисѣ | 264 |
| Князю, А. М. Горчакову | 267 |
| Леда (кантата). | 269 |
| Оскаръ | 272 |
| Эвлега. | 277 |
| Окно | 280 |
| Разсудокъ и любовь | 282 |
| Къ Наташѣ | 284 |
| Наслажденіе. | 286 |

III

| | <i>стр.</i> |
|---|-------------|
| Къ Машѣ | 288 |
| Погребѣ | 289 |
| Истина | 290 |
| Застольная пѣсня | 291 |
| Стансы (изъ Вольтера) | 293 |
| Делія | 295 |
| Къ Деліи | 297 |
| Воспомяніе (къ Пушину) | 299 |
| Сонъ (отрывокъ) | 301 |
| Къ ней | 310 |
| Слеза | 312 |
| Элегіи : | |
| I. Опять я вашъ, о юные друзья! | 314 |
| II. Осеннее утро | 316 |
| III. Сну | 318 |
| IV. Любовь одна веселье жизни хладной! | 319 |
| V. Мѣсяцъ | 322 |
| VI. Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ | 324 |
| VII. Когда пробилъ послѣдній счастью часъ | 325 |
| VIII. Друзьямъ | 327 |
| IX. Я Лилу слушалъ у клавира | 328 |
| Къ Жуковскому | 329 |
| Горацій | 335 |
| Пирующіе друзья | 337 |
| Къ Принцу Оранскому | 342 |
| Усы (философическая ода) | 344 |
| Къ молодой вдовѣ | 347 |
| Къ Дельвигу | 349 |
| Къ Дельвигу | 352 |
| Мое завѣщаніе друзьямъ | 355 |
| Навздникъ | 359 |
| Фіалъ Анакреона | 363 |
| Сраженный рыцарь | 365 |
| Эпиграмма | 367 |
| Твой и мой | 368 |
| Эпитафія | 369 |
| Экспромтъ на А. | 370 |
| Къ портрету К*** | 371 |
| Къ письму | 372 |
| Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ | 373 |
| Желаніе | 374 |
| Заздравный кубокъ | 375 |

IV

| | <i>стр.</i> |
|--|-------------|
| Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и Пастушка | 377 |
| Къ Живописцу | 385 |
| Сонъ (отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ) | 386 |
| Путешественнику | 389 |
| Къ Морфею | 390 |
| Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ | 391 |
| Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный! | 392 |
| Въ альбомъ Пялчевскому | 393 |
| Сновидѣнiе | 395 |
| Она | 396 |
| Къ товарищамъ передъ выпускомъ | 397 |
| Боже! Царя храни | 399 |
| Къ Г. . . . у | 400 |
| Мечтатель | 403 |
| Къ П. . . . у | 407 |
| Городокъ (къ * * *) | 410 |
| Безвѣрiе | 426 |
| Къ Б — ову | 430 |
| Романсъ | 434 |
| Воспоминанiя въ Царскомъ селѣ | 437 |
| Наполеонъ на Эльбѣ | 446 |

**СТИХОТВОРЕНIЯ, ПРОПУЩЕННЫЯ ВЪ ПОСЛѢД-
НЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНИИ.**

| | |
|--|-----|
| Отрывокъ изъ посланiя В. Л. П — ну | 451 |
| Къ Ю ву | 453 |
| Умолкну скоро я. Но если въ день печали | 455 |
| Антологическiй отрывокъ | 456 |
| Загадка (при посылкѣ бронзоваго сфинкса) | 457 |
| Новыя строфы изъ Евгения Онегина | 458 |
| Эпиграмма (изъ Антологiи). | 464 |
| Къ Каверину | 465 |
| Элегiя | 466 |
| Эпиграмма | 467 |
| Къ Языкову | 468 |
| Портретъ | 470 |
| Эпиграмма | 471 |
| Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы. | 472 |
| Въ альбомъ | 473 |
| Въ альбомъ малюткѣ | 474 |
| Объясненiе | 475 |
| Французскiе стихи | 479 |

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Томъ IX.

1

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ. *



ВСТУПЛЕНІЕ.



На берегу пуспынныхъ волнъ
Стояль Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣль. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ

* Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

*

По ней стремился одиноко.
 По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
 Чернѣли избы здѣсь и памъ,
 Приютъ убогаго Чухонца;
 И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
 Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
 Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онтъ :

« Опселя грозиль мы будемъ Шведу;
 Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
 На-зло надменному сосѣду;
 Природой здѣсь намъ суждено
 Въ Европу прорубишь окно ¹,
 Ногою твердой ступить при морѣ;
 Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ-гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на-проспорѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
 Полночныхъ спранъ краса и диво,
 Изъ пмы лѣсовъ, изъ попи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво:
 Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
 Печальный пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой вепхій неводъ, нынѣ тамъ
 По оживленнымъ берегамъ

Громады спройныя пѣсняся
Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ приспанямъ спремяся;
Въ границъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю себя, Петра пворенье²;
Люблю пвой строгой, спройный видъ,
Невы державное шеченье,
Береговой ея границъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнашъ моей
Пишу, чипаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣшла
Адмиралшейская игла,
И, не пуская пму ночную
На золошья небеса;

Одна заря смѣнишь другую
Спѣшишь, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы пвоей жеспокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холоспой
Шипѣнье пѣниспыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинспвенную живоспъ
Попѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхопныхъ рашей и коней
Однообразную красивоспъ,
Въ ихъ спройно-зыблемомъ спрою
Лоскутъя сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіанье шапокъ эшихъ мѣдныхъ,
Насквозъ проспрѣменныхъ въ бою;
Люблю, военная сполица,
Твоей пвердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруешъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова шоржеспвуешъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несешъ
И, чуя вешни дни, ликуешъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и спой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирися же съ побой
И побѣжденная спихія:
Вражду и плѣнь спаринный свой
Пусть волны Финскія забудуть
И тщешной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ ПЕТРА!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣспованье.
Печалень будешь мой разсказъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Надъ омраченнымъ Пепроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды спрѣйной,
Нева мепалась, какъ больной
Въ своей поспелъ безпокойной ;
Ужь было поздно и шемно ;
Сердишо бился дождь въ окно
И въперъ дуль, печально воя.
Въ то время изъ-госпей домой
Пришелъ Евгеній молодой
Мы будемъ нашего героя
Звашь эпимъ именовъ. Оно
Звучишь пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно ;
Прозванье намъ его не нужно —
Хопя въ минувши времена
Оно, бышь можеть, и блиспало
И, подь перомъ Карамзина,

Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣпомъ и молвой
Оно забыло. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служилъ,
Дичился знашныхъ и не пужилъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.
И такъ домой пришелъ Евгенийъ,
Спряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что прудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доспаивать
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливицы,
Ума недалняго, лѣнивцы,
Копорымъ жизнь куда легка!
Что служилъ онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы московъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечпалъ. И грустно было
 Ему въ пу ночь, и онъ желалъ,
 Чпобъ въперъ выль не пакъ уныло,
 И чпобы дождь въ окно спучалъ
 Не пакъ сердишо....

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вопъ
 Рѣдѣпть мгла ненаспной ночи,
 И блѣдный день ужъ наспашъ....
 Ужасный день!

Нева всю ночь ⁵

Рвалася къ морю прошивъ бури,
 Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
 И спорипъ спало ей ме въ-мочь....
 Поупру надъ ея брегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой въпра опъ залива
 Перегражденная Нева
 Обратно шла гнѣвна, бурлива
 И запопляла острова;
 Погода пуще свирѣпѣла;
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Кошломъ клябоча и клубясь —
 И вдругъ, какъ звѣрь оспервенясь,
 На городъ кинулась. Предъ нею

Все побѣжало, всё вокругъ
 Вдругъ опустило... Воды вдругъ
 Впекли въ подземные подвалы;
 Къ рвшешкамъ хлынули каналы —
 И всплылъ Пепрополь, какъ Трипонецъ
 По поясъ въ воду погружень.

Осада! прислуать! Злыя волны,
 Какъ воры, лѣзуть въ окна; челны
 Съ разбѣга спекла бьютъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой торговли,
 Пожипки блѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба съ размышаго кладбища
 Пльвуютъ по улицамъ!

Народъ

Зришь Божій гнѣвъ и казни ждешь.
 Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 Гдѣ будешь взятьъ?

Въ пошъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
 Со славой правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смущенъ вышелъ Онъ
 И молвилъ: » съ Божіей спихіей
 Царямъ не совладать. » Онъ съль

И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ :
Спояли спогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ ,
Но ближнимъ улицамъ и дальнымъ ,
Въ опасный путьъ средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы .⁴
Спасать и спрахомъ обуялый
И дома понущій народъ.
Тогда, на площади Пепровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Спояшъ два льва спорожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ кресломъ,
Сидѣлъ недвижный, спрашно блѣдный
Евгеній. Онъ спрашился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлеспалъ;
Какъ въперь, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.

Его опчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины,
Вспадали волны шамъ и злились,
Тамъ буря выма, шамъ носились
Обломки.... Боже, Боже! шамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почпи у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да ива
И вепхій домикъ : шамъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечпа.... Или во снѣ
Онъ эпо видипъ ? иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Пасмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будпо околдованъ,
Какъ будпо къ мрамору прикованъ,
Сойпи не можешъ ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидипъ съ проспекпою рукою
Гиганпъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

Но вопль, насыпясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ упомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежеть,
Насилье, брань, пререва, вой!...
И грабежемъ ошягощенны,
Боясь погони, упомленны,
Слѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пупи роняя.

Вода сбыла, и моспловая
Опкрылась, и Евгений мой
Слѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и поскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.

Но, торжеспвомъ побѣды полны,
 Еще кипѣли злобно волны,
 Какъ-бы подъ ними плѣлъ огонь;
 Еще ихъ пѣна покрывала,
 И тяжело Нева дышала,
 Какъ съ бишвы прибѣжавшій конь.
 Евгений смоприспъ : видишь лодку;
 Онъ къ ней близишь какъ на находку;
 Онъ перевошица зовешъ —
 И перевошикъ беззабошной
 Его за гривенникъ охотно
 Чрезъ волны спрашныя везешъ.

И долго съ бурными волнами
 Боролся опышнй гребецъ,
 И скрыпся въ глубъ межъ ихъ рядами
 Всечасно съ дерзкими пловцами
 Гоповъ былъ челнъ — и наконецъ
 Доспигъ онъ берега.

Несчастшнй

Знакомой улицей бѣжишь
 Въ мѣспа знакомыя. Глядишь...
 Узнашь не можешъ. Видъ ужасный!
 Все передъ нимъ завалено;
 Чшо сброшено, чшо снесено;
 Скривились домики; другіе
 Совсѣмъ обрушились; иные

Волнами сдвинуты; кругомъ,
 Какъ будто въ полъ боевомъ,
 Тѣла валяюпся. Евгений
 Спрямглавъ, не помня ничего,
 Изнемогая опъ мученій,
 Бѣжитъ шуда, гдѣ ждетъ его
 Судьба съ невѣдомымъ извѣспьемъ,
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
 И вопъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣспьемъ,
 И вопъ заливъ, и близокъ домъ....
 Что жъ это?

Онъ оспавовлся;
 Пошелъ назадъ — и воропился.
 Глядитъ.... идетъ.... еце глядитъ:
 Вопъ мѣспо, гдѣ ихъ домъ спонитъ;
 Вопъ ива. Были здѣсь воропа;
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
 И полонъ сумрачной забопы,
 Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
 Толкуетъ громко самъ съ собою —
 И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
 Захохоталъ.

Ночная мгла
 На городъ препетный сошла;
 Но долго жипели не спали
 И межъ собою полковали
 О днѣ минувшемъ.

Ущра лучь

Изъ-за успалыхъ блѣдныхъ пучь
Блеснулъ надъ пихою сполицей —
И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багрянницей
Уже прикрыпо было зло —
Въ порядокъ прежній все вошло :
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ ,
Покинувъ свой ночной приюпъ ,
На службу шель. Торгашъ опважный,
Не унывая, открываль
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убыпокъ важный
На ближнемъ вымѣспишъ. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ ,
Поэпъ, любимый небесами ,
Ужъ пѣлъ безсмершными спихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений
Увы! его смященный умъ
Противъ ужасныхъ попрысеній
Не успояль. Мясепжный шумъ
Невы и въпрровъ раздавался

Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скипался;
Его перзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пуспынный уголокъ
Опдалъ въ-наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣсну
Спать чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спать на приспани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда вѣпхая на немъ
Рвалась и пыла. Злыя дѣпти
Бросали камни въ-слѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его спегали, попому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Быль шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ;
Ни по, ни сѣ — ни жипель свѣта,
Ни призракъ мертвой....

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненаспный въсперъ. Мрачный валь
Плескалъ на приспань, рошца пѣни
И бѣсь о гладкія спупѣни,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; въсперъ выль уныло —
И съ нимъ вдали, во пмѣ ночной,
Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужась; поропливо
Онъ вспалъ; пошелъ бродипь, и вдругъ
Оспановился, и вокругъ
Тихонько спалъ водишь очами
Съ боязною дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ сполбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъяпой лапой, какъ живые,
Споляли львы спорожевые,
И прямо въ пемной вышинѣ,
Надъ огражденною скамою,
Гиганшъ съ просперпою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ⁵.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились

*

Въ немъ спрашно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ попопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Буншуя злобно вокругъ него,
И львовъ и площадь и того,
Кшо неподвижно возвышался
Во мракъ съ мѣдной головой
И съ распроспершою рукой —
Какъ будпо градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ поскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Спѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ — и мрачень спалъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перспъ свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ спремглавъ
Бѣжалъ пустился. Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице пихонько обращалось
И онъ по площади пустой

Бѣжишь и слышишь за собой ,
Какъ будто грома грохопанье ,
Тяжело-звонкое скаканье
По попрысенной мостовой —
И , озаренъ луною блѣдной ,
Простерши руку въ вышинѣ ,
За нимъ несется Всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь , безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ ,
За нимъ повсюду Всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ попопомъ скакалъ .

И съ той поры , когда случилось
Иппи той площадью ему ,
Въ лицѣ его изображалось
Смятенье : къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку ,
Какъ бы его смиряя муку ;
Карпузъ изношенный сымалъ ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ ,
И шелъ споронкой .

Островъ малый
На взморьѣ видѣнь . Иногда
Причалишь съ неводомъ шуда
Рыбакъ , на ловлѣ запоздалый ,
И бѣдный ужинъ свой варить ;

Или чиновникъ посѣпипгъ ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье ,
Пустынный оспровъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко вешій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный куспъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пуспъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего . . .
И тупъ же хладный пругъ его
Похоронили ради Бога.

ПРИМЪЧАНІЯ.

—

1. Альгароппи гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtré, par la quelle la Russie regarde en Europe.
 2. См. стихи К. Вяземскаго къ Графинѣ З***.
 3. Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію *. Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе хопя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.
 4. Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ.
 5. См. описаніе памятника въ Мицкевичъ. Оно заимствовано изъ Рыбака — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.
- * Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, pardoni.
DON GIOVANI.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.



С Ц Е Н А I.



ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Доспигли мы воровъ Мадригна. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь : узнашь меня нельзя ?

Лепорелло.

Да, Донъ-Жуана мудро признашь !
Такихъ , какъ онъ , такая бездна !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Шупишь?

Да кто жь меня узнаешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый спорожь,

Гипана, или пьяный музыкантъ,

Иль свой же брашъ нахальный кавалеръ

Въ плащъ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда, хопь и узнаюшь! Только бѣ

Не встрѣшился мнѣ самъ король, а впрочемъ

Я никого въ Мадридѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завпра же до короля дойдеть,

Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно

Въ Мадридѣ явился — что тогда, скажите,

Онъ съ вами сдѣлаеть?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.

Ужь вѣрно головы мнѣ не опрубяшь.

Вѣдь я не государственный преступникъ.

Изъ милоспи ко мнѣ жь меня опсюда

Онъ выслажь. Онъ хопьль меня опъ миценья

Семьи убипаго спаспи.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну что жь?

Сидѣли бѣ вы себѣ спокойно шамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! я едва-едва
 Не умерь шамъ со скуки. Чпо за люди,
 Чпо за земля! А небо? ... почный дымъ.
 А женщины? да я не промѣняю,
 Вопъ видишь ли, мой Лепорелло,
 Послѣдней въ Андалузїи кресьянни
 На первыхъ памошнихъ красавицъ — право.
 Онъ сначала нравилися мнѣ
 Глазами синими, да бѣлизною,
 Да скромноспью — а пуце новизною;
 Да, слава Богу, скоро догадался —
 Увидѣль я, чпо съ ними грѣхъ и знашься:
 Въ нихъ жизни нѣшь — все куклы восковья;
 А наши!... Но послушай, эпо мѣсто
 Знакомо намъ; узналь ли пы его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнашь? Аншоньевъ монастырь
 Мнѣ памяшенъ. Ёзжали вы сюда,
 А лошадей держалъ я въ эшой роцѣ;
 Проклятая, признашься, должносъ. Вы
 Прїяпнѣ здѣсь время проводили
 Чѣмъ я, повѣрьше.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*задумливо*).

Бѣдная Инеза!

Ее ужъ нѣшь! какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-по помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Юльѣ... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помершвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней испинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взгляды... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной;
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будущъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадридѣ
Опытывать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явисься.

ЛЕПОРЕЛЛО.

ДѢЛО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.

Недолго насъ покойницы превожатъ.

Кто къ намъ идетъ (*входитъ монахъ*)?

МОНАХЪ.

Сейчасъ она прѣдетъ

Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль донны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа:

Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна прѣхаетъ донна Анна

На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донна Анна

Де Сольва? какъ, супруга командора

Убипаго... не помню какъ?

МОНАХЪ.

Развращнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вопъ какъ! молва о Донъ-Жуанъ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отщельники хвалы ему поюшъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, бышь можешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? нимаго.

А гдѣ же онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развращниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ны врешъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчише: я нарочно...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла

И прѣзжаетъ каждый день сюда
 За упокой души его молишься
 И плакашь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за спранныя вдова !
 Не-даромъ же покойникъ былъ ревнивъ ;
 Онъ донну Анну въ заперши держалъ ;
 Никто изъ насъ на видывалъ ея.
 И не дурна ?

МОНАХЪ.

Мы красоюю женскою ,
 Опшельники , прельцаешься не должны —
 Но лгать грѣшно : не можешь и угодникъ
 Въ ея красъ чудесной не сознаешься.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хохълъ поговорить.

МОНАХЪ.

О , донна Анна никогда съ мужчиной
 Не говоришь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами , мой опецъ ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
 Да вошь она. (*Входитъ донна Анна*).

ДОННА АННА.

Опецъ мой , оппоррише.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидаю. (*Донна Анна
идеть за монахомъ*).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно

Подъ эшимъ вдовымъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пяпку я замѣпилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ-минушу дорисуешь оспальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло;

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (*про себя*).

Вошь еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочешь поглядѣшь на вдови слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла

И въ свѣпмый сумракъ пмы не обрашила,
Войдемъ въ Мадридъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи, и луны боишся; Боже!
Проклятое жишье. Да долго ль будешь
Мнѣ съ нимъ возишся! Право силъ ужъ нѣшь.

С Ц Е Н А П.

—

КОМНАТА, УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь себѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ шы совершенствомъ не играла.
Какъ роль свою шы вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТИЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось

Сегодня каждое движенье, слово.

Я вольно предавалась вдохновенью.

Слова лились, какъ будшо ихъ раждала

Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза швои блестящъ

И щеки разгорѣлись — не проходишь
 Въ шебѣ воспоргь. Лаура, не давай
 Осыпшь ему бесплодно, спой, Лаура,
 Спой что-нибудь.

ЛАУРА.

Подайше мнѣ гитару. (*Поетъ*).

Всѣ.

О, bravo! bravo! чудно! неподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
 Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
 Одной любви музыка уступается;
 Но и любовь мелодія... взгляни:
 Самъ Карлосъ пронупъ, пивой угрюмый госпъ.

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
 А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
 Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
 А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзатьъ
Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій грандъ.

КАРЛОСЪ (*встаетъ*).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, переспань;
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что? что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!

Проспи меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходишь это имя?

Гость.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердипа,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье;

Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?

А! слушайше. (*Поетъ*).

Всѣ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайше жъ, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(*Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса*).

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, останься у меня;

Ты мнѣ понравилъся; ты Донъ-Жуана

Напомнилъ мнѣ, какъ выбрали меня

И списнулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила? (*Лаура дѣлаетъ утверди-
тельный знакъ*) Очень?

ЛАУРА.

Очень.

Донъ-Карлосъ.

И любишь и шерсть?

ЛАУРА.

Въ сію минушу?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любишь нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они полпишья будешь,
Тебя ласкашь, лелѣяшь и даришь,
И серенадами ночными пѣшишь,
И за тебя другъ друга убиваешь
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадушь, и вѣки, сморщась, почернѣюшь,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнешь,
И будешь называешь тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда.... Зачѣмъ

Объ этомъ думаешь? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди — опкрой балконъ. Какъ небо тихо;

Недвижимъ теплый воздухъ ; ночь лимономъ
 И лавромъ пахнетъ ; яркая луна
 Блещитъ на синевѣ густой и темной,
 И спорожъ кричатъ пропяжно: ясно!...
 А далеко, на сѣверъ — въ Парижъ —
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
 А намъ какое дѣло ? Слушай, Карлосъ :
 Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
 Ну! что-то жъ!

Донъ-Карлосъ.

Милый демонъ ! (*стучать*).

Донъ-Жуанъ.

Гей, Лаура !

Лаура.

Кто тамъ ? Чей это голосъ ?

Донъ-Жуанъ.

Отвори ...

Лаура.

Ужели!... Боже!... (*Отпираетъ двери, входитъ
 Донъ-Жуанъ*).

Донъ-Жуанъ.

Здравствуй ...

Лаура.

Донъ-Жуанъ!...

(*Лаура кидается ему на шею*).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

(Цѣлуетъ ее).

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я,

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ своимъ услугамъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выпши вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ *(ее не слушая).*

Я жду. Ну, что жъ?

Вѣдь ты при шагъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь. *(Бьются).*

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

*(Кидается на постель,
Донъ-Карлосъ падаетъ).*

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вспавай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что шамъ?

Убишь? Прекрасно! въ комнашь моей!

Что дѣлашь мнѣ шеперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Бышь можешъ,

Онъ живъ еще. *(Осматриваетъ тѣло).*

ЛАУРА.

Да! живъ! гляди, проклятый,

Ты прямо въ сердце шкнулъ — небось, не мимо.

И кровь нейдетъ изъ преугольной ранки,

А ужъ не дышетъ — какво?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлашь?

Онъ самъ шого хопытъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы —

А все не виновашъ... Опкуда шы?

Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только-что прѣхалъ
И по пихонько — я вѣдь не прощень.

ЛАУРА.

И вспомнилъ пошчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я спую
За-городомъ, въ прокляпой венцѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадридѣ. (*Цѣлуетъ ее*).

ЛАУРА.

Другъ-пы мой!...

Постой... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать
съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подь епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣли себя.
Какъ хорошо пы сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только

Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ заспалъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,

Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить

Въ моемъ опусушсвѣи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жъ — — Нѣтъ, послѣ переговоровъ.



С Ц Е Н А III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

Донъ-Жуанъ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, опшельникомъ смиреннымъ
Я скрыся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мнѣ кажешся, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Пушуся въ разговоры съ ней; пора.
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придеть,
То и скажу, безъ предугошовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бѣ ужъ ей прѣхашь. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь предспавленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесь!...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушень;
Здѣсь, спавъ на цыпочки, не могъ бы руку

До своего онъ носу допянушь.
 Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
 Напкнужся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
 Какъ на булавокъ спрекоза: а былъ
 Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
 А! вошь она. (Входитъ донна Анна).

Донна-Анна.

Опяшь онъ здѣсь. Опець мой,
 Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
 Проспише.

Донъ-Жуанъ.

Я просишь прощенья долженъ
 У васъ, сеньора. Можешъ, я мѣшаю
 Печали вашей вольно изливаюсь.

Донна-Анна.

Нѣтъ, мой опець: печаль моя во мнѣ;
 При васъ мои молишвы могутъ къ небу
 Смирренно возноситься — я прошу
 И васъ соединить свой голось съ ними.

Донъ-Жуанъ.

Мнѣ, мнѣ молишься съ вами, донна Анна!
 Я не достоинъ учасши такой.
 Я не дерзну порочными уснами
 Мольбу свяшую вашу повпорять;
 Я только издали съ благоговѣнемъ
 Смопрю на васъ, когда, склонившись тихо,
 Вы кудри черные на мраморъ блѣдный

Разсыплете — и мнился мнѣ, что пайно
 Гробницу эпу ангелъ посвѣпилъ.
 Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣшаю
 Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
 И думаю : счасливѣ, чей хладный мраморъ
 Согрѣпъ ея дыханіемъ небеснымъ
 И окропленъ любви ея слезами.

Донна-Анна.

Какія рѣчи спранныя!

Донъ-Жуанъ.

Сеньора?

Донна-Анна.

Мнѣ вы забыли.

Донъ-Жуанъ.

Что? что недоспойный
 Опшельникъ я? что грѣшный голосъ мой
 Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

Донна-Анна.

Мнѣ показалось — — я не поняла — —

Донъ-Жуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

Донна-Анна.

Что я узнала?

Донъ-Жуанъ.

Такъ, я не монахъ . . .

У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

Толь IX.

4

Донна-Анна.

О, Боже! вспаныше, вспаныше!... Кто же вы?

Донъ-Жуанъ.

Несчастный, жертва спраши безнадежной.

Донна-Анна.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробъ!

Подите прочь —

Донъ-Жуанъ.

Минушу, Донна-Анна,

Одну минушу!

Донна-Анна.

Если еще взойдетъ!...

Донъ-Жуанъ.

Рѣшетка заперта. Одну минушу!

Донна-Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

Донъ-Жуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,

Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похороняшь,

Не подлѣ праха милаго для васъ,

Не тупъ — не близко — далѣ гдѣ-нибудь,

Тамъ — у дверей — у самого порога,

Чтобъ камня моего могли коснуться

Вы легкою ногой или одеждой,

Когда сюда, на этомъ гордый гробъ,

Пройдете кудрѣмъ наклоняшь и плакать.

ДОННА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать

Кончины, Донна-Анна, знакъ безумства?
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
 Въ-живыхъ оспашься, я бъ имѣлъ надежду
 Любовью нежной пронуть ваше сердце;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
 Спалъ провождашь у вашего балкона,
 Тревожа серенадами вашъ сонъ;
 Не спалъ бы я скрываюсь — я, напропивъ,
 Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не спалъ
 Спрадашь въ безмолвіи....

ДОННА-АННА.

И шакъ-шо вы

Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Донна-Анна, случай

Увлекъ меня. Не шо, вы бъ никогда
 Моей печальной шайны не узнали.

ДОННА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
 Но съ той поры лишь только знаю цѣну

Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Донна-Анна.

Подите прочь — вы человекъ опасный.

Донъ-Жуанъ.

Опасный! чѣмъ?

Донна-Анна.

Я слушаю васъ боюсь.

Донъ-Жуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзосныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣшь
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

Донна-Анна.

Подите — здѣсь не мѣсто

Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянесь
Хранишь ко мнѣ такое жъ уваженіе,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе —
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовѣла. — — —

Донъ-Жуанъ.

Ангель, Донна-Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго спрадалца.

ДОННА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минушу.

ДОННА-АННА.

Нѣшъ, видно мнѣ уйши.... къ пому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекали меня
Рѣчами свѣтскими; ошъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно опвыкло. — Завпра
Я васъ приму —

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣришь,

Не смѣю счастью моему предашься — — —
Я завпра васъ увижу! — и не здѣсь,
И не украдкою!

ДОННА-АННА.

Да, завпра, завпра.

Какъ васъ зовушь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Каљвидо.

ДОННА-АННА.

Прощайше, Донъ-Діего. (*Уходитъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО. (*Лепорелло входитъ*).

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — — Завтра — вечеромъ поздиѣе...

Мой Лепорелло, завтра — приготовь — —

Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Донной-Анной

Вы говорили? можетъ бышь, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,

Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! она свиданье,

Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужь-но!

О, вдовы! всѣ вы паковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

Я нѣтъ говорю, я радъ весь міръ обнять.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? что скажешь онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ спанешъ ревновать.

Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человекъ разумный

И вѣрно присмирять съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ; посмотрише на 'его спанюю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажешся, на васъ она глядишь
И сердился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Доннѣ-Аннѣ, завпра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Спашую въ госпи звать! зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чпобъ съ нею говоришь —
Проси спашую завпра къ Доннѣ-Аннѣ
Пришли попозже вечеромъ и спашь
У двери на-часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охопа вамъ
Шулишь, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай же.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спунай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная спашуя!
 Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проснигъ
 Пожаловашь.... Ей-Богу, не могу,
 Мнѣ спрашно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вопгъ я шебя!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольше.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проснигъ завшра
 Пришши попозже въ домъ супруги вашей
 И спашь у двери.... (*Статуя киваетъ головой
 въ знакъ согласія*). Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что шамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО, (*кивая головой*).

Спашуя.... ай!....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нынѣ,

Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.
Какой шы вздоръ несешь?
ЛЕПОРЕЛЛО.

Подише сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.
Ну, смотри жъ, бездѣльникъ.
(*Статуть*). Я, командоръ, прошу шебя припши
Къ швоей вдовѣ, гдѣ завпра буду я,
И спашь у двери на-часахъ. Чпо? будешь?

(*Статую киваетъ опять*). О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чпо? я говорилъ....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

С Ц Е Н А IV.

—

(Комната Донны-Анны).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОННА-АННА.

Донна-Анна.

Я приняла васъ, Донъ-Діего; только
Боюсь, моя печальная бѣсѣда
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жъ вы молчите?

Донъ-Жуанъ.

Наслаждаюсь — молча,
Глубоко — мыслью бышь наединѣ
Съ прелеспной Донной-Анной, здѣсь — не шамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Донна-Анна.

Донъ-Діего,

Такъ вы ревнивы! мужъ мой и во гробъ
Васъ мучишь.

Донъ-Жуанъ.

Я не долженъ ревновать.
Онъ вами избранъ былъ.

Донна Анна.

Нѣтъ, машь моя

Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Донъ-Жуанъ.

Счастливецъ! онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини: вопъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ воспоргомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы опдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли;
Все ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать; чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ.
Увы! — судьба судила мнѣ иное!

Донна-Анна.

Діего, перестаньте; я грѣшу,
Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя.
Вдова должна и гробу быть вѣрна.

Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
 Меня любилъ! о! Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
 Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
 Когда бъ онъ овдовѣлъ — онъ былъ бы вѣрнѣ
 Супружеской любви.

Донъ-Жуанъ.

Не мучьте сердца

Мнѣ, Донна-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
 Супруга. Полно вамъ меня казнить,
 Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

Донна-Анна.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
 Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
 Вы предо мной и передъ Небомъ правы.

Донъ-Жуанъ.

Предъ вами! Боже!

Донна-Анна.

Развѣ вы виновны

Передо мной? скажите, въ чемъ же — ну.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, никогда —

Донна-Анна.

Діего; что такое?

Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите?

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ! ни за что!

Донна-Анна.

Діего, это спранно:

Я васъ прошу, я пребую —

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Донна-Анна.

А! пакъ-по вы моей послушны волѣ!

А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы бѣ рабомъ моимъ желали бытъ.

Я разсержусь, Діего: опвѣчайте,

Въ чемъ предо мной виновны вы?

Донъ-Жуанъ.

Не смѣю.

Вы ненавидѣтъ спанете меня.

Донна-Анна.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,

Но знатъ хочу.

Донъ-Жуанъ.

Не желайте знатъ

Ужасную, убійспенную шайну.

Донна-Анна.

Ужасную! вы мучите меня.

Я спрахъ, какъ любопытна — что такое?

И какъ меня могли вы оскорбитъ?

Я васъ не знала. У меня враговъ

И нѣтъ и не было. Убійца мужа

Одинъ и еспь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*про себя*).

Идешь къ развязкѣ дѣло!

Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ незнакомъ?

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, ошь-роду его

Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ дунѣ къ нему

Пяпаете вражду?

ДОННА-АННА.

По долгу чести.

Но вы отвлечь спараетесь меня.

Ошь моего вопроса, Донъ-Діего —

Я пребую

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, если бѣ Донъ-Жуана

Вы встрѣпили?

ДОННА-АННА.

Тогда бы я зодѣю

Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОННА-АННА,

Гдѣ пвой кинжалъ? вонъ грудь моя.

ДОННА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОННА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я, Донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ

Супруга твоего; и не жалю

О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОННА-АННА.

Что слышу я? нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я себя люблю.

ДОННА-АННА, *(падая)*.

Гдѣ я? ... гдѣ я, мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? что съ побою, Донна-Анна?

Проснись, опомнись: твой Діего,

Твой рабъ у ногъ твоихъ.

ДОННА-АННА.

Оставь меня.

(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ — ты опиялъ у меня

Все, что я въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всѣмъ гошовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели дышатьъ, я буду
Лишь для тебя. — — —

ДОННА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ —

Вы, говорятъ, безбожный развращитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донинъ

Изъ нихъ я не любилъ.

ДОННА-АННА.

И я повѣрю —

Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жершвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бы я тебя обманывалъ,
Признался ль бы, сказалъ ли бы по имя,
Копораго не можешь ты и слышатьъ?
Гдѣ жъ видно шупъ обдуманность, коварство?

ДОННА-АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли приппи
Сюда вы; здѣсь узнатьъ могли бы васъ,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Томъ IX.

5

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно опдамъ я жизнь.

ДОННА-АННА.

Но какъ же

Отсюда выпиши вамъ, неосторожный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*цѣлуетъ ей руки*).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Забопишесь! Такъ ненависти нѣтъ
Бъ душѣ пвоей небесной, Донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно распаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опяшь увидимся?

ДОННА-АННА.

Не знаю,

Когда-нибудь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра?

ДОННА-АННА.

Гдѣ же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОННА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй....

ДОННА-АННА.

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный....

ДОННА-АННА.

Какой ты неопвязчивый! на, вошь онъ....

(Стучать).

Что тамъ за шумъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и сбѣгаетъ опять).

А!... —

ДОННА-АННА.

Что съ тобой? А!... *(Входитъ статуя командора, Донна-Анна падаетъ).*

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Донна-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее,

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣтъ! я звалъ тебя и радъ, что вижу.

*

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вошь она о, шажело
Пожашье каменной его десницы!
Оспавь меня, пуспи, пуспи мнѣ руку — —
Я гибну — кончено — о, Донна-Анна!
(Проваливаются).

4 ноября 1836, с. Болдино.



Р У С А Л К А .

РУСАЛКА.



БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.



МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ ЕГО.

Мельникъ.

Охъ, по-по всѣ вы, дѣвки молодья,
Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ поведенъемъ,
Заманивать по спрососью, по лаской,
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь —

Безцѣнное сокровище; она —
 Что слово: разъ упустишь, не воропишь.
 А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
 То все-таки по-крайней-мѣрѣ можно
 Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
 Роднымъ да выгадать; подумай надо:
 «Не вѣчно жъ будешь онъ меня любишь
 «И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кспиапи ль?
 Вы потчасъ одурѣете; вы рады
 Исполнишь даромъ прихоти его,
 Гоповы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь — и пропасть, и слѣдъ проспылъ; а вы
 Оспалися ни съ чѣмъ... Охъ, всё вы глупы!
 Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
 Не прозъвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроси
 Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
 Сиди шеперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воропишь.

Дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,

Въ недѣлю онъ на мельницу вѣзжалъ?
 А? всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а памъ все рѣже, рѣже
 Спалъ прѣвжапъ — и вопъ девятый день,
 Какъ не видали мы его. Чпо скажешь?

Дочь.

Онъ заняпъ; мало ль у него забопы?
 Вѣдь онъ не мельникъ: за него не спанепъ
 Вода работапъ! Часпо онъ пвердипъ,
 Чпо всѣхъ прудовъ его пруды пжель.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князя прудяпся?
 И чпо ихъ прудъ? правипъ лисицъ и зайцевъ,
 Да пировапъ, да обирапъ сосѣдей,
 Да подговаривапъ васъ, бѣдныхъ дуръ.
 Онъ самъ работаепъ — куда, какъ жалко!
 А за меня вода!... А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣпъ; а памъ посмопшишь:
 То здѣсь, по памъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ печь. Вопъ если бъ пы у князя
 Умѣла выпросипъ на переспройку
 Хопъ нѣсколько деньженокъ, было бъ лучше.

Дочь.

Ахъ!

Мельникъ.

Чпо пакое?

Дочь.

Чу? я слышу топотъ
Его коня.... Онъ! онъ!

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣповъ, помни...

Дочь.

Вошь онъ, вошь онъ!

*(Входитъ князь. Коню-
ший уводитъ его коня).*

Князь.

Здорово, милый другъ.

Здорово, мельникъ.

Мельникъ.

Милоспивый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣпныхъ не видали.
Пойду тебѣ гоповипъ угощенье. *(Уходитъ).*

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не спыдно ли тебѣ такъ долго мучипъ
Меня пуспымъ, жеспокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я спрахомъ не пугала?
То думала, что конь тебѣ занеспъ
Въ болото или пропаспъ; что медвѣдъ
Тебѣ въ лѣсу дремучемъ одолѣтъ;

Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
 И любишь все по-прежнему меня,
 Не правда ли?

Князь.

По-прежнему, мой ангелъ;
 Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты
 Печаленъ; что съ побоею?

Князь.

Я печаленъ?
 Тебѣ какъ показалось. Нѣтъ, я веселъ.
 Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,
 Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
 Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
 Что дѣлаешь она? А намъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?...
 А нынче — слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
 Ты чѣмъ-нибудь вспревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужъ не сердитъ ли на меня?

Князь.

Я не хочу припворсшвовашъ напрасно.

Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣянь,
Ни облегчишь, ни даже раздѣлишь.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустишь
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

За чѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знаній родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка —
Мы были счастливы? по-крайней-мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобою, пвоей любовью;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помню
Тебя, мой другъ; того, что я перяю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можетъ быть

Князь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучишь? Развѣ за шобою
Иппи во слѣдъ я всюду невмашпна?
Я мальчикомъ одѣнусь, вѣрно буду
Тебѣ служишь дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ — войны я не боюсь,
Лишь видѣла бѣ тебя. Нѣптъ, нѣптъ, не вѣрю!
Иль вывѣдашь мои пшы мысли хочешь,
Или со мной пущую шупку шупишь...

Князь.

Нѣптъ, шупки мнѣ на умѣ нейдушь сегодня,
Вывѣдываешь тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальнѣй пущь,
Ни на войну; я дома оспаюсь,
Но долженъ я съ шобой навѣкъ прашпшься.

Она.

Поспой, шеперь я понимаю все:
Ты женишьса? (*Князь молчитъ*). Ты женишьса?

Князь.

Что дѣлаешь?

Сама пшы разсуди. Князья невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берушь, а по расчешамъ

Иныхъ людей, для выгоды чужой...
 Твою печаль уптѣшишь Богъ и время!
 Не забывай меня; возьми на память
 Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
 Еще привезъ съ собою ожерелье —
 Возьми его. Да вопъ еще: опну
 Я это посулилъ — опдай ему. (*Даетъ ей въ
 руки лѣшокъ съ золотою*).

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
 Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебѣя

Я все готова... Пить не по... Постой...
 Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
 Меня ты могъ покинуть... Все не по...
 Да, вспомнила: сегодня у меня
 Ребенокъ свой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастливая! какъ быть? хопъ для него
 Побереги себя; я не оставлю
 Ни твоего ребенка, ни тебѣя.

Со-временемъ, бышь можешь, самъ прїѣду
 Васъ навѣспишь. Ушѣшься, не крушися.
 Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя). Ухъ, кончено! душъ какъ будшо легче.
 Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
 Довольно пиho. *(Уходитъ. Она остается не-*
подвижною).

Мельникъ *(входитъ).*

Не угодно ль будешь
 Пожаловашь на мельницу? ... Да гдѣ же онъ?
 Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
 Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
 Такъ и горишь! И бусы! ... Ну, скажу,
 Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодѣпель!
 А эпо чпо? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль? ...
 Да чпо же ты спойшь, не опвѣчаешь,
 Не вымолвишь словечка? Али ты
 Опъ радости нежданой одурѣла,
 Иль на тебя спомбнякъ нашель?

Дочь.

Не вѣрю,
 Не можешь бышь. Я шакъ его любила ...
 Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
 Космашое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Оправой опоили?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ ухалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за помы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы щупъ же
Онъ распоппалъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Что съ нею?

Дочь.

Видишь ли — князя невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говоришь: «себя я повезу
«Въ мой свѣшлый шеремъ, въ шайную свѣшлицу,
«И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый.»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься

И до зари за мельницей сидѣть.
 Имъ любо сердце княжеское пѣшишь
 Бѣдами нашими! А памъ прощай;
 Спупай, голубушка, куда захочешъ;
 Люби, кого замыслишь!...

МЕЛЬНИКЪ.

Вошь въ чемъ дѣло!...

Дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
 Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
 Я доберусь; я ей скажу злодѣйкѣ:
 Опсгань опъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
 Не водяпса въ одномъ оврагѣ...

МЕЛЬНИКЪ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣстпу,
 Кто можетъ помѣщать ему? Вошь по-по!
 Не говорилъ ли я тебѣ...

Дочь.

И могъ онъ,

Какъ добрый человекъ, со мной прощашься,
 И мнѣ даватъ подарки! Каковѣ?
 И деньги! Выкупишь себя онъ думалъ!
 Онъ мнѣ хопѣлъ языкъ засеребришь,
 Чпобъ не прошла о немъ худая слава
 И не дошла до молодой жены!...
 Да, бишь, забыла я; тебѣ ошдашь

Толь IX.

6

Вельгъ онъ эпо серебро за шо,
 Чпо былъ хорошъ ты до него, чпо дочку
 За нимъ пускалъ паскашься, чпо ее
 Держалъ не спрого.... Въ-прокъ тебѣ пойдешь
 Моя погибель! *(Отдаетъ ему мѣшокъ.)*

Мельникъ *(въ слезахъ.)*

До чего я дожилъ!

Чпо Богъ привелъ услышашъ! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекашъ опца роднаго.
 Одно дия ты у меня на свѣтъ,[!]
 Одна отрада въ спарости моей:
 Какъ было мнѣ шебя не баловашъ?
 Богъ наказалъ меня за шо, чпо слабо
 Я выполнилъ опцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!

Холодная змѣя мнѣ шею давишь...
 Змѣей, змѣею онъ меня —
 Не жемчугомъ опупалъ *(рветъ съ себя жемчугъ)...*
(Ополнясь.) Такъ бы я

Разорвала шебя змѣю-злудѣю,
 Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь *(снимаетъ съ себя повязку).*

Вошь вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вошь чѣмъ насъ вѣнчалъ

Лукавый врагъ, когда я опрелася
Опо всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь пы, мой вѣнецъ! (*бро-
саетъ повязку въ Днѣпръ*).
Теперь все кончено!... (*бросается въ рѣку*).
СТАРИКЪ (*падая*).
Охъ, горе, горе!

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ.
ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

СВАТЪ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравспвуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтъ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, пришихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки опъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Свапушка, свапушка,
Безполковый свапушка!
По невѣспу ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,

Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися:
 Верея ль, вереюшка,
 Укажи дороженьку
 По невѣспу ѣхати.
 Свапушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся:
 Въ мошнѣ денежка шевелился,
 Краснымъ дѣвушкамъ норовишя.

Свѣтъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!

На, на, возьмите, не корите свапа.

(Дарить дѣвушкамъ.)

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желпу песочку
 Пробѣгала быспрая рѣчка;
 Въ быспрой рѣчкѣ гуляють двѣ рыбки,
 Двѣ рыбки, двѣ малыя площицы.
 А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
 Про вѣспи наши про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ краена дѣвица ушопилась,
 Ушопая, милова друга проклинала?

Свѣтъ.

Красавицы! да это что за пѣсня?

Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.

Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,

Не я, не мы....

СВАТЬ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. *(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).*

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить? *(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).*Князь *(про себя).*

Она, пожалуй,

Гошова здѣсь надѣлашь сполько шуму,

Что со спыда не буду знашь, куда

И спряшашься!

КОНЮШІЙ.

Я не нашель ее.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она

Пропѣла эшу пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай-да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьешъ.

Жаль, горекъ: подсласпишь его бѣ не худо...

(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

Князь.

Она! Вопгь крикъ ея ревнивый! Чпо?

Конюшій.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

Князь.

Дуракъ.

Дружко *(вставая)*.

Не время ль намъ княгиню выдашь мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпашъ хмѣлемъ?

(Всѣ встанутъ).

Сваха.

Вѣспимо, время. Дайше жѣ пѣшуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ, и ведутъ въ спальню).

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка).

Дружко.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду разъѣзжашь,
Такъ укрѣпишься мнѣ виномъ не худо.

СВАХА (*наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, на-здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?

И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,

Все хорошо: одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли пѣсню

Не свадебную, а Богъ вѣспѣ какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ

Не попроказишь. Спашочно ли дѣло

Мушишь нарочно княжескую свадьбу!

С В Ъ Т Л И Ц А .

КНЯГИНЯ И МАМКА.

Княгиня.

Чу! кажешся, прубяшь. Ышь, онъ не ѣдешъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ опъ меня на шагъ не оплучался;
Съ меня очей, бывало, не сводилъ.
Женился онъ — и все пошло не шакъ!
Теперь меня ранехонько разбудишь,
И ужъ велишь себѣ коня сѣдлашь,
Да до ночи Богъ вѣдаешъ, гдѣ ѣздишь.
Воропишься — чущь ласковое слово
Промолвишь мнѣ, чущь ласковой рукой
По бѣлому лицу меня попреплешъ.

Мамка.

Княгинюшка! мужчина, чпо пѣшухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь,
А женщина — чпо бѣднаѣ насѣдка:

Сиди себѣ да выводи цыпляшъ.
 Пока женихъ — ужъ онъ не насидишя,
 Ни пьепъ, ни ѣспъ, глядишъ, не нагляднишя
 Женился — и заботы наспаюшъ:
 То надобно сосѣдей навѣспишъ,
 То на охоту ѣхашъ съ соколами,
 То на войну нелегкая несепъ,
 Туда, сюда — а дома не сидишя.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нѣшъ ли у него
 Зазнобы пайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.

Да на кого себя онъ промѣняетъ?
 Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
 Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
 Родимая: ну въ комъ ему найпи,
 Какъ не въ тебѣ, сокровище пакое?

Княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
 И мнѣ послалъ дѣшей, къ себѣ тогда бъ
 Умѣла вновь я мужа привязашъ...
 А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
 Домой прѣвхалъ. Чпо жъ его не видно?

(*Входитъ Ловій*).

Чпо князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой

Опѣвхашъ намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Оспался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оспавишь

Тамъ одного? Усердные вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите

Сказашъ ему, что я прислала васъ.

(Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою

И дикій звѣрь, и люшій человекъ,

И лѣшій бродишь — долго ль до бѣды!

Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

Мамка.

Бѣгу, мой свѣшь, бѣгу.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою
 Съ глубокаго дна
 Мы ночью всплываемъ;
 Насъ грѣптъ луна.

Любо намъ порой ночьюю
 Дно рѣчное покидашь,
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрываешь,
 Подаваешь другъ дружкѣ голосъ,
 Воздухъ звонкій раздражаешь,
 И зеленый влажный волосъ
 Въ немъ сушишь и отряхиваешь.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами
 Встрепелулася во мглѣ.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
 Кто-то ходить по землѣ.

(Прячутся).

Князь.

Невольно къ эпимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестныя предметы:

Вопль мельница... Она ужь развалилась;
 Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
 Спалъ жорновъ: видно, умеръ и спарикъ —
 Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
 Тропинка шупъ вилась — она заглохла...
 Давно, давно сюда никто не ходилъ.
 Тупъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
 Разросся онъ кудрявой эшпой рощей?
 Ахъ, вопль и дубъ завѣшный! Здѣсь она,
 Обнявъ меня, поникла и умолкла...
 Возможно ли?... (*Идетъ къ дверямъ; листья*
сыплются)

Что это значить? листья,
 Поблкнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпалися на меня!
 Передо мной сползъ онъ голъ и черень,
 Какъ дерево проклятое. (*Входитъ старикъ въ*
лохмотьяхъ и полунагой)

СТАРИКЪ.

Здорово,

Здорово, зяпъ!

Князь.

Кпо ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній воронъ.

Князь.

Возможно ль? это мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки опдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣвки зарышы,
Ихъ рыбка одноглазка спорожигъ.

Князь.

Несчастный, онѣ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? Вѣспримо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ шобою хопъ всю ночь, до пѣшуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорашъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она

Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
 И съ той скалы прыгнувъ хошѣлъ, да вдругъ
 Почувствовалъ: два сильныя крыла
 Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
 И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
 То здѣсь, по шамъ лешаю, по кляю
 Корову мершвую, по на могилѣ
 Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кто жъ за побою смошришь?

Старикъ.

Да, за мною

Присмашривать нехудо: спаръ я спалъ
 И шаловливъ. За мной, спасибо, смошришь
 Русалочка.

Князь.

Кшо?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Поняшь его! Спарикъ, шы здѣсь въ лѣсу
 Иль съ голоду умрешъ, иль звѣрь шебя
 Заѣсть. Не хочешь ли пойши въ мой шеремъ,
 Со мною жишь?

СТАРИКЪ.

Въ швой шеремъ? Нѣтъ, спасибо!
 Заманишь, а подпомъ меня, пожалуй,
 Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
 И сыпъ, и воленъ. Не хочу въ швой шеремъ.
 (Уходитъ).

КНЯЗЬ.

И этому все я виною! спрашно
 Ума лишисься! Легче умереть:
 На мершвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
 Творимъ .о немъ молитвы: смерть равняетъ
 Съ нимъ каждаго. Но человекъ, лишенный
 Ума, спановишся не человекомъ:
 Напрасно рѣчь ему дана — не править
 Словами онъ; въ немъ брапа своего
 Звѣрь узнаеть; онъ людямъ въ посмѣянье;
 Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить....
 Спарикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
 Раскаянья всѣ муки расправишь.

ЛОВЧІЙ.

Вошь онъ. На силу-шо его сыскали.

КНЯЗЬ.

Зачьмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала.

Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ.

Несносна

Ея заботливоспъ! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ спушишь безъ няньки?

*(Уходитъ. Русалки показыва-
ются надъ водой).*

Что, сесприцы: въ полѣ чиспомъ
Не догнашь ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохомомъ и свиспомъ
Не путнушь ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закапилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сесприца.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша спрогая сеспра.

(Скрываются).

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

*Теремъ Русалокъ. Русалки прядутъ около
своей царицы.*

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оспавыте пражу, сестры. Солнце съю,
Сполбомъ луна блеснипъ надъ нами. Полно.
Плывите вверхъ подъ небомъ попарипъ.
Да никого не прогайте сегодня —
Ни пѣшехода щекоташъ не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ ошягчашъ
Травой и шиной, ни ребенка въ воду
Заманивашъ разсказами о рыбакахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь.

На зсмлю выходила

Я къ двду.....

Со дна рѣки собралъ ему шѣ деньги,

Копорья когда-шо въ воду къ намъ

Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;

А что такое деньги, я не знаю.

Однако же я вынесла ему

Пригоршню ракувинокъ самоцѣпныхъ:

Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на шебя
Надъюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придесть мужчина. Спереги его
И выдь ему навспрѣчу. Онъ намъ близкоъ —
Онъ швой отецъ.

Дочь.

Топъ самый, что шебя
Покинулъ и на женицинъ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣ приласкайся
И расскажи все то, что опъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, пакже
И про меня. И если спросишь онъ:
Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О! поняла.

РУСАЛКА.

Спунай же. (Одна). Съ шой поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Опчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась

Русалкою холодной и могучей,
Прошло двенадцать полныхъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеніи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... и я могъ
Такъ въпреню опъ счастья опказатьсь!...
Печальная, печальная мечта
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Опецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,

И согласился онъ оставишь лѣсъ
И къ намъ переселишься (*Русалочка выхо-*
дитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

.



Г А Л У Б Ъ.

Г А Л У Б Ъ.



I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничей погѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба спарика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой зависника убишь
Вблизи развалинъ Ташаршуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежишь;
Обрядъ пворипся погребальной;
Звучишь уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Спояшь предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ пѣсною толпой;
Подъемлюшь госпи скорбный вой

И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мяшупся спущанные кони;
Всѣ ждуптъ. Изъ сакли наконецъ
Выходишь между женъ опець;
Два узденя за нимъ выносяшъ
На буркѣ хладнѣй трупъ. Толпу
По споронамъ раздашься просяпъ,
Слагаюшъ пѣло на арбу
И съ нимъ кладуптъ снарядъ воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской
И шашки крестовую спаль,
Чшобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чшобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ воспатъ.
Въ дорогу шествиѣ гоново,
И пронулась арба. За ней
Адехи слѣдуюшъ сурово,
Смирля молча пылъ коней.
Ужъ попухалъ закапъ огнистой,
Злашя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Доспигли шихіе волы.
Въ долину шой враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —

Тамъ нынѣ въ пѣнь могилы хладной
Онъ ляжешь, блѣдный и нѣмой...
Ужъ шрупъ землю взялъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія шворила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Спарикъ съдой, съ нимъ опрокъ спройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному спарикъ опцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошлонадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чшобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покорень будь судьбѣ!
Другаго я привезъ тебѣ —
Вопъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою поперю имъ замѣнишь:
Труды мои ты самъ оцѣнишь —
Хвалишься ими не хочу.»
Умолкнулъ. Смопритъ порошиво
Галубъ на опрока. Тазишь,
Главу пошупя молчаливо,

Ему недвижимъ предстоипть.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлешъ ласково его.
Попомъ наспавника ласкаешъ,
Благодарипть и приглашаешъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, при ночи съ кунаками
Его онъ хочешъ угощашъ
И послѣ съ чеспью провожашъ,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, опецъ печальныйъ мнипть,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстипелемъ обидѣ.
Проходяпть дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазипть
Все дикоспъ прежнюю хранипть.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлыйъ день
Въ горахъ одинъ молчипть и бродипть.
Такъ въ саклѣ пойманнй олень
Все въ лѣсѣ глядипть, все въ глушѣ уходипть.
Онъ любипть — по крупнымъ скаламъ
Скользипть, ползпи пропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосиспой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.

Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль усава очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердець!
Въ мечпаньяхъ опрокъ своеволенъ,
Какъ въперъ въ небъ...

Но отецъ

Уже Тазипомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслишь онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Опважноспь, хипроспъ и проворспво,
Лукавій умъ и сила рукъ?
Въ немъ полько лѣнь и непокорспво.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня сварикъ?»

Тазипъ изъ пабуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулъ нѣтъ его,
На претій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынь?

СЫНЪ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріаль.

ОТЕЦЪ.

Что дѣлалъ тамъ?

СЫНЪ.

Я слушалъ Терекъ.

ОТЕЦЪ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

СЫНЪ.

Видѣлъ я: съ поваромъ
Тифлисскій ѣхалъ Армянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со спражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ ушеса?

Попунилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчая ничего.

Тазинъ опять коня сѣдлаешъ,

Два дня, двѣ noci пропадаетъ,
 Попомъ являешся домой.

Отець.

Гдѣ былъ?

Сынъ.

За Бѣлою-горой.

Отець.

Кого ты встрѣшилъ на курганѣ?

Сынъ.

Опъ насъ бѣжавшаго раба.

Отець.

О милосердая судьба!

Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ

Ты бѣглеца не прищипилъ?

Тазипъ опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрылъ свое негодованье.
 «Нѣтъ, мыслишь онъ, не замѣнишь
 Онъ никогда другаго браца!
 Не научился мой Тазипъ,
 Какъ пашкой добываютъ злапа;
 Ни спадъ моихъ, ни шабуновъ
 Не надѣлять его развѣзды;
 Онъ только знаетъ безъ прудовъ
 Внимаю волнамъ, гладью на звѣзды,
 А не въ набѣгахъ опбиваю»

Томъ XI.

Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружашь.»

Тазишъ опяшъ коня съдѣаетъ.
Два дня, двѣ noci пропадаетъ,
На прешій, блѣденъ какъ мершвецъ,
Приходитъ онъ домой. Опець,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

.

Отець.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостапа.

Отець.

Кого? кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отець.

Убійцу сына моего?...

Тазишъ! гдѣ голова его?

Дай, нагложусь!

СЫНЪ.

Убийца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ...

Врага ты навзничь опрокинулъ...

Не правда ли? ты шанку вынулъ,

Ты въ горло спалъ ему вопкнулъ.

И прижды пихо повернулъ?

Упился ты его спенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ жъ голова? подай!... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, пошупя очи.

И спалъ Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты старуха,

Ты трусъ, ты рабъ, ты Армянинъ —

Будь проклятъ мной — поди — чшобъ слуха

Никто о робкомъ не имѣлъ,

Чшобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чшобъ мерпвый брапъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сълъ

И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;

Чшобъ ты, какъ раненый олень,

Бѣжалъ, поскуя безопрадно;

Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка заперзали —
Чтобъ ты . . . бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрывъ, и спакъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ помень синій небосклонъ.

II.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинь шумно собрались ;
Привычны игры начались :
Верхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Спрѣлою шапку пробивающъ,
Иль прижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкающъ,
То скользкой пѣшашся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поющъ — и гулъ лѣсной
Далече впорилъ ихъ напѣвы.
Но между дѣвами одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.

.

 Въ шолпѣ спояпѣ чешою спранной, —

Спояпѣ, не видя ничего.

И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,

Она — любовница его...

О, было время!... съ ней украдкой

Видался юноша въ горахъ ;

Онъ пилъ огонь оправы сладкой

Въ ея смяшени, въ рѣчи крапкой,

Въ ея пошупленныхъ очахъ,

Когда съ домашняго порогу

Она смопрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря,

И вдругъ садилась и блѣднѣла,

И опшѣчая не глядѣла,

И разгаралась какъ заря,

Или у водъ когда спояла,

Текущихъ съ каменныхъ вершинъ

И долго кованый кувшинъ

Волною звонкой наполняла...

И онъ, невласпный превозмочь

Волнений сердца, разъ приходипѣ

Къ ея опцу, его опводипѣ

И говорипѣ: «швоя мнѣ дочь

Давно мила ; по ней поскуя,

Одинъ и сирѣ давно живу я;
Благослови любовь мою;
И бѣденъ — но могучь и молодъ,
И агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ;
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
А съ приверженный супругъ . . . »



МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАМЯТНИКЪ.

—

Я памятникъ себѣ воздвигъ неруко́пворной;
Къ нему не заросшеть народная шропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова шполпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣшной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и плѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пи́ипъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ —
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду шѣмъ народу я любезенъ,
Что чувствѣва добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелесшью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милоспъ къ падшимъ призывалъ.

Вельню Божію, о муза! будь послушна:
Обиды не спрашись, не пребуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глушца.

РАЗЛУКА.

—

Для береговъ опчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часть пезабвенный, въ часть печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя спарались удержашь;
Томленья спрашнаго разлуки
Мой спонъ молилъ не прерывашь.

Но ты опшъ горькаго лобзанья
Свои уста опорвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ пѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но памъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяюць въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремяюць воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, пвои спраданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья
Но жду его: онъ за побой

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные лаская берега,
Гдѣ на холмы подѣ лавровые своды
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Злапой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя проспыхъ Ташаръ семьи:
Среди заботъ и съ дружбою взаимной
Подѣ кровлею живутъ госпепрїимной.

Все мило памъ красою безмяпежной,
 Все пупника пѣвняепъ и манипъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжипъ.
 Повсюду прудъ веселый и прилежный
 Сады Тапаръ и нивы богапипъ,
 Холмы цвѣшупъ, и въ лиспьяхъ винограда
 Висипъ янпаръ, ночныхъ пировъ опрада.

Все живо памъ: кудрявыхъ роцъ прохлада,
 Въ тѣни оливъ уснувшія спада,
 Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средъ валовъ бѣгучія суда,
 И яркіе лучи златаго Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и свѣща суепы,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминашь души моей мечпы?
 Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
 Счастливая пѣвица красопы,
 Пѣвица нѣтъ, изгнанья и разлуки,
 Найдешъ ли вновь свои живые звуки?

И памъ, гдѣ миршъ шумишъ надъ пихой урной,
Увижу ль вновъ, сквозь шемные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Упихнешъ ли волненъе жизни бурной?
Минувшихъ лѣшъ воскреснешъ ли краса?
Приду ли вновъ подъ сладостныя тѣни
Душой заснушъ на лонѣ мирной лѣни?

СЪТОВАНИЕ.

Недавно я — въ часы свободы —
Уставъ нагъздника читалъ,
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черпы
Неподражаемаго слога —
И переверпывалъ листы,
.
И думалъ: въспренный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно спалъ въ угоду міра
Благоразумный человекъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кпо далъ Давыдову совѣтъ
Оспавить лавръ, оставишь розы?
Какъ могъ унизишься до прозы
Вънчаннй музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ
И пѣни Бурцова угрозы?

Не дай мнѣ Богъ сойши съ ума;
Нѣшь, легче посохъ и сума,
Нѣшь, легче шрудъ и гладъ.

Не то, чшобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ; не то, чшобъ съ нимъ
Разспахься былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
На волю, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Неспройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силѣнъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

И я бъ заслушивался волнь,
Толь IX.

И я глядѣлъ бы, счаспья полнѣ,
Въ пуспыя небеса.

Да вопъ бѣда: сойди съ ума,
И спрашенъ буденъ, какъ чума;
Какъ разъ шебя запрупъ;

Посадытъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшепку, какъ звѣрка,
Дразнишь тебя придупъ.

А ночью слышать буду я,
Не голось яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ;

А крикъ поварицей монхъ,
Да брань смопришелей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

ХУДОЖНИКУ.

Груспенъ и весель вхожу, Ваяпель, въ пвою
масперскую:
Гипсу пы мысли даешь, мраморъ послушень
тебѣ:
Сколько боговъ и богинь и героевъ!... Вопь Зевсъ
громовержець;
Вопь изъ-подлобья глядишь, дря въ цѣвницу
Сапирь;
Здѣсь зачинапель Барклай, а здѣсь совершипель
Кушувовъ;
Тупь Аполмонъ — идеаль, памь Ниобея —
печаль...
Весело мнѣ! Но межъ-штѣмъ, въ полпѣ молчали-
выхъ кумировъ—
Груспенъ гуляю: со мной добраго Дельвита
нѣшь;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и
совѣшникъ.
Какъ бы онъ обнял тебя! какъ бы гордился
тебой!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ шревогъ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—
И какъ дышя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣпло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

ДЕМОНЪ.

—

Въ пѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышя:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный геній
Спалъ пайно навѣщапъ меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспоцимый клеветною,
Онъ Провидѣнье искушалъ;

Онъ звалъ прекрасное мечпою,
Онъ вдохновенья презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быспрый и мяшежный,
Кипипь, бѣжипь, сверкая и журча;
Каспальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поипь;
Послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утоипь.

Ш А Ж Ъ,

ИЛИ

ПЯТНАДЦАТИ-ЛѢТНІЙ КОРОЛЬ.

C'est l'age de Cherubin....

—

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минеть;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинеть!
Но и шеперь никто не кинеть
Съ презрѣнемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ — ужъ надъ губой
Могу свой усть я заципнуть;
Я важенъ, какъ спарикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня поцкнуеть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скромень,
И между ними есть одна....
И гордый взоръ ея такъ шемень,
И цвѣтъ ланишь ея такъ шомень,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она гопова хопь въ пуспыню
Бѣжашь со мной, прѣзрѣвъ молву —
Хошите знать мою богиню,
Мою Севильскую Графиню?
Нѣтъ! ни за что не назову!

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ препеномъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька спарая, горжусь.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго бунта.)

—

Тебѣ гвѣцу, шебѣ герою!
Не удалось мнѣ за побою
При громѣ пушечномъ, въ огонь
Скакашь на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ прудной,
И тушь — о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой опецъ и командиръ.
Вошь мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ; плутъ, козакъ прямой;
Въ передовомъ швомъ опрядѣ
Урядникъ быть бы онъ лихой.

—

ВЪ АЛБОМЪ

МИХ. АНДР. ЩЕРБИНИНУ.

Житье шому, любезный другъ,
 Кпо спрастью глуною не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,
 Кпо заняпъ всемъ и всемъ доволенъ;
 Кпо Надиньку подъ вечерокъ
 За пайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
 И жирный Спразбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ заливаетъ.

.

Поупру сладко дремлетъ онъ,
 Чипая листикъ Инвалида;
 Весь день веселью посвященъ,

.

И мы не такъ ли дни ведемъ,

Щербиницъ, рѣзвый другъ забавы,
Покажьсянъ молоды и здравы?
Но дни младые пролепяпъ,
Сердца изсохнупъ и оспынупъ.
Тогда безъ гѣсенъ, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ опраду, милый другъ,
Въ шуманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
« Ты помнишь Фанни, милый мой? »
— И тихо улыбнемся оба.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

—

.
Какъ быспро въ полѣ, вокругъ открышомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжипь!
Какъ звонко подъ его копышомъ
Земля промерзлая спучипь!

.
Какъ онъ взвился, решивый, смѣлый
Черезъ пошокъ оледенѣлый!

.
Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.
Ланишы жарче вешнихъ розъ
Играюпъ холодомъ и кровью

.

—

ЕЯ ГЛАЗА.

(Въ отвѣтъ на стихи князя В — го).

— — —

Она мила — скажу межъ нами —
Придворныхъ выпязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно спихами,
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣеть ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, по ли дѣло
Глаза О ... моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣпской проспоны,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечпы!...
Попупись ихъ съ улыбкой Лея —
Въ нихъ скромныхъ грацій поржество;
Подниметь — ангель Рафаэля
Такъ созерцаеть Божество.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

—,

I.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ
задремалъ.
Дѣва подчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, пихія слезы лія.

II.

Не розу Паѳосскую,
Росой оживленную,
Я вынѣ пою;
Не розу Феосскую,
Виномъ окропленную,
Спихами хвалю;
Но розу счасливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей — — —

III.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

—

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою презвой.
Мы не Скиѣы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно;
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

—————

IV.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ при чашѣ
Выпивашъ въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харипамъ
Облаженнымъ и спыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣпней.
Мудрый послѣ претней чашѣ,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодашному Морфею.

VI.

МАЛЬЧИКУ.*(Изъ Каталла).***Minister vetuli puer.**

—

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ:
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага —
И спруей, вину враждебной,
Спрогихъ постниковъ довольспвуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

VII.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.*(Отрывокъ).*

—

Узнаемъ коней репивыхъ
Мы по вызженнымъ шаврамъ;
Узнаемъ Пароянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ.

—————

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предапель ученикъ,
Лукавый прилепѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смрадной

И бросилъ шрупъ живой въ горпанъ геенны
гладной...

Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сапана, привспавъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предапельную ночь лобзавшія Христа.

ЖАЛОБА.

—

Вашъ дѣдъ порпшой, вашъ дядя поварь,
А вы, вы модный господинъ —
Таковъ объ васъ народный говоръ,
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Попомокъ предковъ благородныхъ.
Увы! нишо въ моей роднѣ
Не шьешъ мнѣ даромъ фраговъ модныхъ
И не варипъ обѣда мнѣ.

—————

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайте пишь и веселипья,
Давайте жизнью играпья;
Пусть чернь слѣпая суешися —
Не намъ безумной подражапья.
Пусть наша въпреная младоспья
Попонепья въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радоспья
Намъ улыбнепья хопья во снѣ.
Когда же юноспья легкимъ дымомъ
Умчипья веселоспья юныхъ дней,
Тогда у спароспья опымемъ
Все, что опымепья у ней.

КЪ *.**

—

Счастливъ, кто избранъ совершенно
Твоей поскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь 'явно,
Чьи взоры властвуютъ побой;
Но жалокъ поэтъ, кто молчаливо,
Старая пламенемъ любви,
Попуя голову ревниво,
Признанья слушаетъ свои.

—————

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

—

Опрокъ милый, опрокъ нѣжный,
Не спыдись, на-вѣкъ пы мой!
Топъ же въ насъ огонь мяпежный —
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы почь-въ-почь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

—

ЛЕИЛА.

—

Опѣ меня' вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: поспой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова пшоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Опвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусь пемной,
Спало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусь новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

М. А. Г.

—

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минушное вниманье
Опрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я спихъ обвороженный,
Мой спихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повпоренный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лиръ слезъ и хладной скуки
Она съ участіемъ вяла —
И нынѣ ей передала
Свои пѣвнипельные звуки
Довольно! въ гордости моей
Я мыслишь буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можешь бышь, и вдохновеньемъ.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—

Чѣмъ чаще празднуешъ Лицей
Свою свящую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью спѣсняется сдину,
Тѣмъ рѣже онъ; пѣтъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни пѣтъ грустнѣе.

Давно ль, друзья Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ-живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ пѣтъ Парижу,
Угасъ въ шюрмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;

И мы средь пиршеснѣвъ молодыхъ
Душею часно омрачались;
Мы возмужали; Рокъ судилъ
И намъ жипейски испыпанья;
И смерпи духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шеснѣ мѣспѣ упрядненныхъ спояпѣ;
Шеспи друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спяпѣ
Кто здѣсь, кто тамъ, на рашномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы брапски поминали.

И мнипся, очередь за мной...
Зовепѣ меня мой Дельвигъ милый,
Товарицѣ юноспи живой,
Товарицѣ юноспи унылой,
Товарицѣ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чиспыхъ помыпленій,
Туда, въ полпу пѣней родныхъ
На-вѣкъ опѣ насъ ушедшій геній.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;

Тебя мы долго ожидали;

И свѣтелъ ты сошелъ съ паинспвенныхъ вер-
шинъ,

И вынесъ намъ свои скрижали.

И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пущыиъ подѣ
шапромъ,

Въ безумствѣ суепнаго пира,

Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ

Опъ насъ созданнаго кумира.

Смутились мы, пвоихъ чуждаяся лучей.

Въ порывѣ гнѣва и печали

Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣшей,

Разбивъ лиспы своей скрижали.

Нѣтъ! ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ
высопы

Скрываться въ пѣнь долины малой;

Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты

Журчанью пчелъ надъ розой алой.

РАЗСТАВАНІЕ.

—

Въ послѣдній разъ пвой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкань,
Будипь мечпу сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминапъ.

Бѣгупъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ —
Ужъ ты для своего поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для себя пвой другъ угасъ.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

РОМАНСЪ.

—

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей спояпъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядяпъ.
Блещупъ оба красошою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И какъ слава имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
Кто, рѣши, любимъ побою?
Оба дѣвъ говоряпъ —
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядяпъ.

—

АКВИЛОНЪ.

—

Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Троспникъ болопный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклоѣъ
Ты облако споль гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облакался;
Недавно дубъ надъ высокопой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты разыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Ошвынѣ радоснью блистаепъ
И облакомъ зефиръ играепъ
И пихо зыблепся простпникъ.

—

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабѣ лепешанье,
Спящей ночи препенанье,
Жизни мышья бѣгопня —
Что превозишь ты меня?
Что ты значишь, скучной шепотъ?
Укоризна, или ропотъ
Мной упраченнаго дня?
Отъ мѣся чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понялъ тебя хочу,
Темный свой языкъ учу....

ЗАКЛИНАНИЕ.

—

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоялся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда,
Пустьбюсть пихія могилы —
Я: тѣнь зову, я жду Лейлы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальная звѣзда,
Какъ легкой звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно : сюда, сюда!....

Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорялъ людей, чья злоба

Убила друга моего,
Иль чшобъ извѣдашь тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но поскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я свой. Сюда, сюда!

КАПРИЗЪ.

Румяной крипикъ мой, насмѣшникъ помясто-
пузой,
Гоповый вѣкъ прунить надъ нашей помной му-
зой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной;
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оспа-
вить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ : избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скапъ оплогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣшлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворъ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца спояпъ въ опраду взора,
Два только деревца, и по изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго борея.

И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вошь, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ
ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ пошь ошца позвалъ, да церковь опворилъ.
Скорѣй! ждешь нѣкогда! давно бѣ ужъ схоронилъ.

ОТРЫВОКЪ.

—

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютишь опчаянья слѣпаго,
Ничтожество! пустой призракъ.
Не жажду твоего покроя.
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ опть вѣка,
Я все не вѣрую въ себя;
Ты чуждо мысли человека!
Тебя спрашивая гордый умъ.
Такъ пупникъ, съ вышины внимая
Ручьсы Алпійскихъ вѣчный шумъ
И взоры въ бездну погружая,
Невольнымъ ужасомъ помимъ,
Дрожишь, колеблется — предъ нимъ
Предметы движущся, темнѣютъ,
Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ,
Кругомъ олюпа ищешь онъ,
Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ...
И хладный обморока сонъ

На край горы его бросаетъ....
Но, улещѣвъ въ міры иные,
Уже ли съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждѣ мнѣ спанетъ міръ земной?
Уже ли памѣ, гдѣ все блистаетъ
Неплѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Мишупныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдаю сожалѣній,
Тоску любви забуду я?
Любови! Но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Во мнѣ безсмертна память милой:
Что безъ нея душа моя?

.

Вы насъ увѣрили, поэмы,
Что пѣни пайною шолпой
Опѣ береговъ печальной Лепы
Слепаются на брегъ земной.
Онѣ уныло посѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй
И въ сновидѣньяхъ упѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей....
Онѣ, безсмертіе вкушая,

Въ элизій поджидаюшь ихъ
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ госпей своихъ....

.
Мечшы поэзіи прелестной,
Благословенныя мечшы!
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши пайныя цвѣшы.

М*.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и числными мечпами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ ешалъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ сплнхахъ, угодникъ черни буйной,
Поешь онъ ненависть: Издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта,
Доходитъ къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

ПОДРАЖАНІЯ ДАНТУ.

—

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣшей безпечныхъ, было много —
Нервная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая, жена
Надъ школою надзоръ хранила спрого.

Толпою нашею окружена,
Пріяшнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуешъ она.

Ея чепа я помню покрывало
И очи свѣшлыя какъ небеса —
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала спрогая краса
Ея чепа, спокойныхъ успѣ и взоровъ
И полныя свяшныи словеса.

Дичась ея совѣповъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслишь было мнѣ ограда.

Любилъ я свѣплыхъ водъ и лиспьевъ шумъ
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры
И свипки въ мраморныхъ рукахъ
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій спрахъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ раждались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой —
Былъ гнѣвнень, полонъ гордоспи ужасной
И весь дышалъ онъ силою неземной.

Другой женообразный, сладоспраспный,
Сомнипельный и лживый идеалъ —
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный,

.



II.

И далѣ мы пошли — и спрахъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подѣ себя поджавъ свое копыто,
Крупилъ росповщика у адскаго огня.

Горячій капаль жиръ въ копченое корыто,
И лопаль на огнѣ печеный росповщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ
великъ;

Одно спяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой

И ихъ безжалостно крупилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный пропьяно возопилъ:
«О, если бѣ я шеперь понуль въ холодной Лешѣ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу оспудилъ!
«Спо на спо я шерплю: проценпѣ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры опврапилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный,
Какъ будно шухлое разбилося лицо,
Иль караншинный спражъ куриль жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, закрылъ свое лицо.
 Но мудрый вождь пащилъ меня все даль, даль—
 И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ.
 Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
 Подобный издали вапагѣ муравьиной —
 И бѣсы пѣшились проклятою игрой :

До свода адскаго касалася вершиной
 Гора спеклянная, гладка, крупа, оспра —
 И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуна ядра,
 Пуспили внизъ его смердящими когтями.
 Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, распрескалась колючими звѣздами —
 Тогда другихъ чершей неперпѣливый рой
 За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ руки жену съ ея сеспррой,
 И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
 И обвѣ сидючи пуспились внизъ спрѣлой;

Порывъ опчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
 Спекло ихъ рѣзало, впивалось въ плѣхо имъ —
 А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ помимъ.

:

РОДРИГЪ.

—

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мстипъ рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похипилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вошь за что опчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули попокомъ
На Испанскіе брега —
Царство Гопеовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Гопеы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одольбеть кто кого.

Восемь дней сраженъе длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ :
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ-живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хопѣлъ-побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь хопѣлъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дробинки лепали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напоследокъ, упомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Опъ ладони опклеилъ.

Бросилъ на-земь шлемъ пернапый
И блестящую броню. —

И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля бипвы онъ ушелъ.

Опъ полей кровавой бипвы
Удалается Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Спариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распушьяхъ видипъ онъ;
Всѣ толпой бѣгупъ опъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молящъ Бога
О спасеніи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаятъ —
И проклящя слышинтъ онъ.

И съ понижшею главою
Мимо ихъ пройпи сдѣципъ,
И не смѣетъ даже молвипъ:
Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ прерпій день приходитъ онъ —
Видипъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ поій пещерѣ онѣ находилъ
Крестъ и заснулъ — а въ углу
Трупъ опшельника и яму,
Имъ изрыпую давно.

Тлѣнне прупа не коснулось;
Онѣ лежилъ окоспенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молишвы Христіанъ.

Трупъ опшельника съ молишвой
Схоронилъ Родригъ король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онѣ пишапья спалъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшеспвенникъ его.

Короля въ уединеньи
Спалъ лукавый искушапья,
И видѣньями ночными
Кропкѣй сонъ его мушилъ.

Онѣ проснепся съ содроганьемъ,
Полонъ спраха и спыда —

Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молишься Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки биввы
Или спрасшныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Успремивъ глаза на море,
Поминая спарину.

Но опшельникъ, чьи останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заспуился въ небесахъ.

Въ сновидѣннн благодашномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіаньемъ окруженъ.

И король, обѣяпый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И въщаль ему угодникъ:
Вспашъ — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ упрощилъ царской;
Но Господь рукъ швоей
Даспъ побѣду надъ врагами,
А душъ швоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разспавшись,
Въ пушь отправился король.

ОТРЫВОКЪ.

—

I.

Однажды, спранспвуя среди долины дикой
Незапно былъ объяпъ я скорбію великой
И паякимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ попъ, кшо на судъ въ убійспвъ уличень.
Попупя голову, въ поскъ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливаль души пронзенной муки
И горько повпорялъ, мешаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что спанется со мной?

II.

И такъ я, съпуя, въ свой домъ пришелъ обрапно.
Уныніе мое вѣмъ было непоняпно.
При дѣпяхъ и женѣ сначала я былъ пихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ шайпъ `опъ нихъ;
Но скорбь часъ опъ часу меня спѣсняла боль —
И сердце наконецъ опкрылъ я по-невольт.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣши, пы, жена,

Сказалъ я, вѣдайше : моя душа полна
 Тоской и -ужасомъ; мучительное бремя
 Тягчишь меня. Идешь! ужъ близко, близко время:
 Нашъ городъ пламени и вѣпрамъ обреченъ;
 Онъ въ угли и золу вдругъ будешь обращенъ —
 И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
 Обрѣспь убѣжище — а гдѣ? о горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
 И здравый умъ во мнѣ разспроенымъ почли.
 Но думали, что ночь и сна покою цѣлебной
 Охолодящъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
 Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
 И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
 Цоупру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
 Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я что же,
 Что прежде говорилъ. Тупъ ближніе мои,
 Не довѣря мнѣ, за должное почли
 Прибѣгнушь къ спрогоспи. Они съ ожеспоченьемъ
 Меня на правый пущъ и бранью и презрѣньемъ
 Старались обратишь. Но я, не внемля имъ,
 Все плакалъ и вздыхалъ, унынемъ шѣснимъ.
 И наконецъ они опъ крика упомились
 И опъ меня, махнувъ рукою, опспупились
 Какъ опъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
 Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ,

IV.

Пошелъ я вновь бродить — уныньемъ изнывая
И взоры вокругъ себя со спрахомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій опчаянный побѣгъ,
Иль пупникъ, до дождя спѣшацій на ночлегъ.
Безсонный пруженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣпилъ юношу, чашающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня :
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему : познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ за-
гробный —
И вопъ о чемъ крушусь; къ суду я не гошовъ,
И смерть меня спрашивъ. «Коль жребій швой
шакъовъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убъжишь опселтъ?»
И я : куда жъ бѣжашъ? Какой мнѣ выбрашь путь?
Тогда : не видишь ли швой взоръ чего нибудь?
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ спалъ глядѣшь болѣзненно-опшверзшымъ
Какъ опъ бѣлма врачомъ избавленный слѣпецъ
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ : держись сего ты
свѣта;
Пусть будетъ онъ шбѣ единшвенная мѣша,
Доколъ оныхъ врапъ еще ты не доспигъ;

Спунай!» И я бѣжапъ пушилса въ шопгъ жо
мнгъ.

Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей шревогу:
И дѣти и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чшобъ воропила я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣпы подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кшо поносилъ меня, кшо на-смѣхъ подымалъ,
Кшо силой воропишь сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я шѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжапъ городовое поле,
Дабы скорѣй войши, оспавя пѣ мѣсна,
Спасенія пушемъ въ таиншвенны враща! —

АЛЬБОМЪ ОНЪГИНА.

—

I.

Меня не любящъ и клеветушъ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной шрепещушъ,
Косящся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Приняшъ мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость въшрена и зла,
Что пылкихъ душъ неоспорожностъ
Самолюбивую ничтожностъ
Иль оскорбляещъ, иль смѣшишъ,
Что умъ, любя проспоръ, шѣснншъ.

II.

Боишесь вы Гра — овой?
Сказала имъ Элиза К.

Да, возразилъ NN суровый,
 Боимся мы Гра — овой,
 Какъ вы боишесь паука.

III.

Въ Коранъ много мыслей здравыхъ.
 Вотъ примѣръ : предъ каждымъ сномъ
 Молись; бѣги путей лукавыхъ,
 Чти правду и не спорь съ глупцомъ.

IV.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручьѣ Кавказскомъ каменьшпъ;
 Въ волненьи жизни такъ мершвѣшпъ
 И вѣтреный и пыкій нравъ.

V.

Шестаго. Былъ у В. на багъ:
 Довольно пуспо было въ загъ.
 Р. С. какъ ангелъ хороша:
 Какая вольноспъ въ обхожденьи!
 Въ улыбка, въ помномъ глазъ движеньи
 Какая нѣга и душа!

VI.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.
Давно желала я васъ видѣть.
Зачѣмъ? — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть. —
Зачто? — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всемъ. Однако жъ это вздоръ.
Вы надо мной смѣялись властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

VII.

Сокровища роднаго слова,
Замѣшаятъ важные умы,
Для лепепанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайше ихъ!
Конечно: свѣрные звуки
Ласкають мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой Славянскій духъ;

Ихъ музыкойъ сердечны мукы
 Усыплены: но дорожипть
 Одними ль звуками піипть?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
 Зады пвердипть и лжеспъ за двухъ.

.

Поэпы наши переводяпть,
 Или молчапть; одинъ журналъ
 Исполненъ припорныхъ похвалъ,
 Топть брани плоской; все наводяпть
 Зъвопу скуки, чупть не сонъ:
 Хорошъ Россійскій Геликонъ!

VIII.

Морозъ и солнце — чудный день!
 Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
 Сойти съ крыльца и надъ Невою
 Блеснуть холодной красою;
 Сидяпть — напрасно ихъ манипть

Пескомъ усыпанный гранитъ,
 Умна воспочная сисхема
 И правъ обычай спариковъ :
 Онъ родились для гарема
 Иль для неволи. . . .

IX.

Вчера, у В. оспавя пиръ,
 Р. С. лепъла какъ зефиръ,
 Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
 А мы по лаковымъ ступенямъ
 Лепъли шумною толпой
 За Одалиской молодой.
 Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
 Я опъ нея поймать успѣлъ;
 Я чернымъ соболемъ одѣлъ
 Ея блиспающія плечи;
 На кудри милой головы
 Я шаль зеленую накинулъ;
 Я предъ Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинулъ.

X.

Сегодня былъ я ей представлень,
 Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
 Онъ важенъ, красишь волоса,
 Онъ чиномъ опъ ума избавлень.

ХІ.

Часы бѣгутъ — она забыла,
Что дома ждуть ее давно.
Уже ль загадку разрѣшила,
Уже ли слово найдено? ...

СЦЕНЫ ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

I.

*Девичье-поле. Поводыничій монастырь. Народъ *.*

Одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и папріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямился; однако есть надежда.

БАВА (*съ ребенкомъ.*)

Агу! не плачь, не плачь! Вопьь бука, бука
Тебя возьмешь! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробрасться за ограду?

* Эта сцена, исключенная Пушкинымъ изъ трагедіи, слѣдуетъ въ оригиналѣ за сценою на Красной площади.

Другой.

Нельзя. Куда? и въ полѣ даже пѣсно,
 Не только памь. Легко ли? вся Москва
 Сперлася здѣсь. Смошри : ограда, кровли,
 Всѣ ярусы соборной колокольни,
 Главы церквей и самые креспы
 Унизаны народомъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ : тамъ падають что волны
 За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
 Дошло до насъ : скорѣе, на колѣна!

Народъ (*вой и плачь.*)

Ахъ, смилуйся, ошець нашъ! Властвуй нами!
 Будь нашъ ошець, нашъ царь!

Одинъ.

О чемъ тамъ плачуть?

Другой.

А какъ намъ знать? по вѣдають бояре —
 Не намъ чеша.

БАБА (*съ ребенкомъ.*)

Ну что жъ? какъ надо плакашь,
Такъ и зашихъ! (*ребенокъ плачетъ.*) Ну, по-то же!

Одинъ.

Всѣ плачущъ —
Заплачемъ, брань, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?

Народъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился...
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

II.

Замокъ воеводы Мишка, въ Самборѣ. Марина. Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА (*передъ зеркаломъ.*)

Ну, что жъ? гоново ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудной?

МАРИНА.

Алмазной мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда извоили вы ѣздить во дворецъ?
На балъ, говорящъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали. . . .

* Эта сцена, непомянутая авторомъ, когда онъ печаталъ Бориса Годунова, предшествуетъ разговору Мишка съ Вишневецкимъ на балѣ въ Самборѣ. Она придаетъ новыя черты характеру Марины и служитъ какъ бы поясненіемъ нѣкоторыхъ словъ ея, сказанныхъ Самозванцу у фонтана въ саду.

Въ то время, кажешся, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хопкевичъ молодой, что послѣ заспѣлился.
А точно, говорятъ : на васъ
Кто ни взглянулъ, шущъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ опецъ надѣшся на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ ушайшь восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; пакъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, пани, онъ влюбленъ :
Вотъ мѣсяць, какъ, оспавя Краковъ,
Забылъ войну, Московскій пронъ,
Въ госпяхъ у насъ пируетъ онъ,
И бѣситъ Русскихъ и Поляковъ.
Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ Московскую Царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, Царицей буду я?

Рузя.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
 Равняться здѣсь съ моею госпожею?
 Родъ Мнишковъ никому еще не успуналъ;
 Умомъ — превыше онъ похвалъ...
 Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ;
 Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
 Кто бъ ни былъ онъ — хощь нашъ король,
 Или Французскій королевичъ,
 Не только нищій вашъ царевичъ —
 Богъ вѣсть — какой, Богъ вѣсть — ошкоть!

Марина.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣ-
 томъ.

Рузя.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
 У Вишневецкаго слугой.

Марина.

Скрывался онъ.

Рузя.

Не спорю я объ эпюмъ.

А шолько знаете ли вы,
 Чтѣ говорятъ о немъ въ народѣ?
 Чтѣ будто онъ дячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
 Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (*вбѣгаетъ.*)

Ужъ госпи съѣхались.

МАРИНА.

Вошь видишь, шы до свѣша
Гошова пусняки болшапъ,
А между-пѣмъ я не одѣша....

РУЗЯ.

Сейчасъ, гошово все. (*служанки суетятся*)

МАРИНА (*про себя.*)

Мнѣ должно все узнашь....

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они улылыя мечпанья
Живѣ пробуждають въ насъ :
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣ самага свиданья.

КЪ ЖЕНЩИНЪ-ПОЭТУ.

Я слушалъ васъ... я прочиталъ
Сія небрежныя созданья,
Гдѣ ваши помныя мечпанья
Богосворятъ свой идеаль.

Я пилъ оправу въ вашемъ взорѣ,
Въ исполненныхъ души черпахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ спихахъ.

Соперницы завѣшной розы
Блаженъ безсмертный идеаль!
Спокрапъ блаженъ, кпо ей внушалъ
Единый спихъ и много прозы!

Кпо знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Несизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквашо величавый,
Гдѣ и теперь, во мглѣ ночной,
Адріатической волной
Повторены его окшавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Спрадалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія! волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кпо жъ посѣпилъ пшвой древній рай,
Твои пророческія сѣни?

На берегу роскошныхъ водъ,
 Порою карнавальныхъ оргій,
 Кругомъ кого кипитъ народъ,
 Кого привѣспвуюшь воспорги?
 Кто идеальной красотой,
 И помно-нѣжной и живой,
 Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
 И по-неволю увлекаетъ
 Ихъ песпры волны за собой?

.
 Съ какою легкоспью небесной
 Земли касается она!

Какою прелеспью чудесной
 Во всѣхъ движеніяхъ полна!

.
 На рай полуденной природы
 На блескъ небесъ, на ясны воды,
 На чудеса свяспыхъ искуспвъ,
 Въ спѣсненъи вдохновенныхъ чувспвъ,
 Душевный взоръ она возводитъ,
 Дивясь и радуясь душой —
 И ничего передъ собой
 Себя прелеспнѣй не находить.
 Споятъ ли съ важностпю очей
 Предъ Флоренспійскою Кипридой —
 Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
 Страдаешь, кажется, обидой.

Мечпы возвышенной полна,
Въ молчаньи смоприптъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадоны молодой —
Она задумчивой красой
Очаровапельнѣй карпины.
Скажете мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя воспоргомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предасптъ попомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ шы, ваяшель безъимянный
Богини вѣчной красопы?
И шы, Харипшою вѣнчаный,
Ты, вдохновенный Рафазль?

.
.



АЛЬФОНСЪ.*Начало поэмы.*

—

Альфонсъ садился на коня;
Ему хозяинъ держишь спремя.
«Синьоръ, послушайтесь меня:
Пускайтесь въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка;
Другая венца далска;
Останьтесь здѣсь; гоповъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Поспелая еспь — покой вамъ нуженъ,
И къ спойлу шянешся вашъ конь.»
— Мнѣ пушешествіе привычно
И днемъ и ночью, былъ бы путь;
Топъ опвѣчаешъ. Неприлично
Бояться мнѣ чего нибудь.
Я дворянинъ; ни чорпъ, ни воры
Не могутъ удержишь меня,
Когда спѣшу на службу я.
И донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,

И ѳдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога крупно въ горы
Ущельемъ пѣснымъ и глухимъ.
Вопъ выѳзжаетъ онъ въ долину.
Какую жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;
А въ сторонѣ пюрчитъ глаголь,
И на глаголь помъ два пѣла
Висятъ. Закаркавъ, оплентѣла
Вапага черная воронъ,
Лишь полько къ нимъ подѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ Гишановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ - ашамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и шамъ
Оспавленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный въперъ ихъ качалъ,
Клевалъ ихъ воронъ прилеталъ,
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до ушра на свободѣ
Гуляли, мспя своимъ врагамъ.

ОСЕНЬ.

—

I.

Октябрь ужъ наступилъ ; ужъ роща опрѣ-
хасяпъ

Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзасяпъ ;
Журча еще бѣжинъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже засыпъ ; сосѣдъ мой поспѣшасяпъ
Въ опрѣзжія поля съ охопою своею—
И спраждупъ озими опъ бѣшеной забавы,
И будипъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора : я не люблю весны ;
Скучна мнѣ опшпель : вонъ, грязь ; весной я
болепъ :
Кровь бродипъ, чувства, умъ тоскою спѣснены ;
Суровою зимою я болъе доволенъ ;
Люблю ея снѣга ; въ присупствіи луны

V.

Дни поздней осени браняпъ обыкновенно ;
Но мнѣ она мила, чипапешь дорогой :
Красою пихою, блиспающей смиренно,
Какъ нелюбимое дшпя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечепъ. Сказашъ вамъ опкровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной;
Въ ней много добраго, любовникъ нещцеславной,
Умыль я опыскашъ мечпою своенравной.

VI.

Какъ это объяснишь? Мнѣ нравися она,
Какъ, вѣрояшно, вамъ чахочная дѣва
Порою нравися. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонися безъ ропота, безъ гнѣва;
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна;
Могильной пропасши она не слышищъ зѣва,
Играешъ; на лицѣ еіце багровый цвѣпъ —
Она жива еще сегодня — завпра нѣпъ.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ швоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецѣ и въ золото одѣшые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣшра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волниспою покрышы небеса,

И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И опдаленныя съдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я разцвѣпаю вновь;
Здоровью моему полезень Русской холодъ;
Къ привычкамъ быпія вновь чувспвую любовь:
Чредой слепаешъ сонъ, чредой находишь голодъ;
Легко и радосшно играешъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипящъ — я снова счаспливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — шаковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ проспшишь ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоіи опкрыпомъ,
Махая гривую, онъ всадника несешъ —
И звонко подъ его блиспающимъ копыномъ
Звенишь промерзлый долъ и прескаешся ледъ.
Но гаснешъ крашкій день, и въ комелькѣ забы-
помъ
Огонь оящъ горитъ, шо яркій свѣтъ ліешъ,
То шгѣешъ медленно; а я надъ нимъ чишаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей пишаю.

X.

И забываю міръ — и въ сладкой пишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,

И пробуждается поэзія во мнѣ :
Душа спѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещешь и звучишь и ищешь, какъ во снѣ,
Излишься наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И шупь ко мнѣ идешь незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ.....

И рифмы легкія навспрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минуша — и стихи свободно пошекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной
влагѣ;
Но чу! машросы вдругъ жидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись въпра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

НАЧАЛО ПОЭМЫ.

Спамбуль Гяуры нынче славяпъ,
А завшра кованой пяшой
Какъ змія спящаго раздавяпъ,
И пречъ пойдупъ, и шакъ оспавяпъ :
Спамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Спамбуль опірекся опъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавій Западъ омрачилъ;
Спамбуль, для сладостей порока,
Мольбъ и саблъ измѣнилъ;
Спамбуль опшвыкъ опъ поту бшшвы,
И пьепъ вино въ часы молишвы.
Въ немъ вѣры чиспой лучъ попухъ :
Въ немъ жены по базару ходяпъ,
На перекресшки шлюпъ старухъ,

А пѣ мужчинѣ въ гаремы вводяпѣ,
И спишѣ подкупленный евнухѣ.

Но не шаковѣ Арзрумѣ нагорной,
Многодорожный нашѣ Арзрумѣ :
Не спимѣ мы въ роскоши позорной,
Не черпемѣ чашей непокорной
Въ винѣ разврашѣ, огонь и шумѣ,
Поспимся мы; спруею презвой
Одни фонпаны насѣ поляпѣ;
Толпой неисповой и рѣзвой
Джигипы наши въ бой лепцяпѣ;
Мы къ женамѣ, какѣ орлы ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Евнухи наши въ нихѣ не спяпѣ.

Алла великѣ! Къ намѣ опѣ Сшамбула
Пришелѣ гонимый янычарѣ.
И буря долу насѣ погнула,
И палѣ неслыханный ударѣ.
Опѣ Рущука до старой Смирны,
Опѣ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовѣ на праздникѣ жирный,
Толпой ходилѣ палачи :
Треща въ объятіяхѣ пожаровѣ,
Ваились дома янычаровѣ;
Окровавленные зубцы

Вездѣ порчали; угли пгѣли;
На кольяхъ, скорчась, мершвецы .
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! погда Сулшанъ .
Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

КРОМЪШНИКЪ.

Какая ночь! морозъ прескучій;
На небѣ ни единой пучи;
Какъ шипый пологъ синій сводъ
Песпрѣпетъ часпыми звѣздами.
Въ домахъ все шемно. У воропъ
Запворы съ пяжкими замками.
Вездѣ покоипся народъ;
Ушихъ и шумъ и крикъ порговой,
Лишь полько лаептъ спражъ дворовой
Да цѣпью звонкою гремиптъ.

И вся Москва спокойно спиптъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Споиптъ полна вчерашней казни, —
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ шрупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ сполбъ, гдѣ вилы; памъ копы
Оспывшей полные смолы,
Здѣсь опрокинушая плаха;

Торчашь желѣзные зубцы,
Сь косями груди пепла пыбюпть,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпентылые чернѣюпть

Кпо памь? чей конь во весь опорь
По грозной площади несешся?
Чей свисть, чей громкій разговорь
Во мракъ ночи раздаешся?
Кпо сей? Кромѣшникъ удалой.
Спѣшипть, лешипть онъ на свиданье;
Въ его груди кипипть желанье.
Онъ говорипть: «мой конь лѣхой,
Мой вѣрный конь! леши спрѣлой!
Скорѣй, скорѣй! . . .» Но конь репивой
Вдругъ размахнулъ плешеной гривой
И спалъ. Во мглѣ между сполповъ
На перекладинѣ дубовой
Качался пругъ. Ъздокъ суровой
Подъ нимъ промчашься былъ гошовъ;
Но борзый конь подъ плешью бьешся,
Храпипть и фыркаешть и рвешся
Назадъ. «Куда? мой конь лѣхой!
Чего боишья? чпо съ шобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно шоппали,
Усердной месшю горя,

Лихихъ измѣнниковъ Царя?
Не ихъ ли кровію омышы
Твои булашныя копышы?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удамый!
Несись, лепи...» и конь успалый
Подъ шрупомъ вихремъ проскакалъ.
.



ГЕРОЙ *.

Что есть истина?

—

Другъ.

Да, слава въ прихопахъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ лепашеть;

* Это стихотвореніе доставлено отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ: Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина «Герой». Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1850 году изъ Нижегородской своей деревни, и вотъ что писалъ объ немъ:.... «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени, и не моею рукою переписанную.» Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопъ, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго *утябрься*, 29 сентября 1850, есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время холеры.

Съ одной сегодня исчезаешь
И на другой уже видна.
За новизной бѣжаешь смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ по чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На пронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кпо всѣхъ болѣ
Твоею властвуешь душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, прищелецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирились цари,
Сей рашникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ штыль зари.

Другъ.

Когда жъ швой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звездой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи свяшой?
Тогда ли, какъ хватаешь знамя,
Иль жезлъ дикшапорскій? Тогда ль,
Какъ водишь и кругомъ и вдаль
Войны спремительное пламя —
И пролешаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой во слѣдъ?

Тогда ль, какъ рапъ героя плещеть
 Передъ громадой пирамидъ,
 Иль какъ Москва пуспынно блещеть,
 Его пріемля, и молчишь?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастья на ложѣ
 Его я вижу, не въ бою,
 Не зяпемъ кесаря на шронѣ,
 Не памъ, гдѣ на скалу свою,
 Съвѣ, мучимъ казню покоя,
 Осмѣянь прозвищемъ героя,
 Онъ угасаетъ недвижимъ,
 Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не па карпина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный спрой;
 Лежитъ на каждомъ прупъ живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Небранной смертью окружень,
 Нахмураясь ходишь межъ одрами,
 И хладно руку жмешь чумъ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Раждаетъ бодрость. Небесами
 Клянусь: кпо жизни своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чшобъ ободришь угасшій взоръ,

Клянусь, пошъ будешъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Другъ.

Мечпы поэза,
Испорикъ спрогой гонить васъ!
Увы! его раздался гласъ, *
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

Поэтъ.

Да будешъ прокляшь правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Зависливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ испинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Чшо же
Онъ будешъ безъ него? ширанъ!

Другъ.

Упѣшься....

Москва, 29 сентября 1850 года.

* Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бошарте, посѣтивъ въ Яезъ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ некоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme,» говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

В. С. Ф*.**

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО:

ДУРАЦКОЙ КОЛПАКЪ.

—

Вамъ, Музы, милыя спарушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,—
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ шомъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнушь
И, въ опкровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянушь;
Но спарый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъъ.
И шагъ, въ знакъ мирнаго привѣща,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэста
Подъ оспорожнымъ колпакомъ.

СКАЗКА
О КУПЦѢ
КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ
И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

СКАЗКА О КУПЦѢ
КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ

И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жиль-быль купецъ Кузьма Осполопъ,
По прозванью Осиновый-Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣшь кой-какого шовару.
На встрѣчу ему Балда
Идепъ, самъ не зная куда.
«Что, дядюшка, шакъ рано поднялся?
Чего пы взыскался?»
Кузьма ему въ ошвѣшь: «Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плошникъ.
А гдѣ найши мнѣ шакаго
Служипеля, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говорипъ :
«Буду служипъ шебѣ славно,
«Усердно и очень исправно
«Въ годъ за при щелчка шебѣ по лбу;

Толь IX.

15

Ѣспь же давай мнѣ вареную полбу.»
Призадумался нашъ Кузьма Осполопъ,
Спалъ почесывапъ лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розъ—
Да понадѣялся онъ на Русскій авось.
Кузьма говоритъ Балдъ: «Ладно:
Не будешъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье.»
Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣспь за чепверыхъ,
Работаешъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь запопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Хозяйка Балдой не нахвалится,
Ихъ дочка Балдой лишь и печалится,
Сынокъ ихъ зовешъ его: пятапей;
Кашу заваритъ, нянчится съ дитяпей.
Одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думашъ часенько.
Время идепъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не Ѣспь, не пьешъ, ночи не спитъ,
Лобъ у него заранѣ трещитъ.

Вошь онъ женѣ признаешся :
Такъ и пакъ, чпо дѣлашь оспаешся?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитроспши повадливъ.
Хозяйка Кузьмъ говоришь : «Знаю средство,
Какъ удалишь ошь насъ шакое бѣдство :
Закажи Балдѣ службу, чшобъ спало ему не въ мочь;
А пребуй, чшобъ онъ ее исполнилъ почь-въ-почь.
Тѣмъ шы и лобъ ошь расправы избавишь,
И Балду-по безъ расплашы опправишь.»
Спало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
Началъ онъ глядѣшь на Балду посмѣе.
Вошь онъ кричишь : «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай : плашишь обязались черши
Мнѣ оброкъ до самой моей смерши;
Лучшаго бѣ не надобно дохода,
Да ешь на нихъ недоимки за шри года.
Какъ наѣшься шы своей пѣлбы,
Собери-ка съ чершей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ спалъ веревку крушишь,
Да конецъ ея въ морѣ мочишь.
Вошь изъ моря выгѣзь спарый бѣсъ.
«Зачѣмъ шы, Балда, къ намъ залѣзь?»
— «Да вошь веревкой хочу море мѳрцишь,

*

Да вась, проклятое племя, корчипь.»

Бѣса спараго взяла пупшь унылосшь.

— «Скажи, за что пакая немилосшь?»

«Какъ за что? Вы не плашите оброка,

Не помните положеннаго срока;

Вопшь ужо будешъ намъ попѣха,

Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»

— «Бѣлдушка, погоди ты морщипшь море,

Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.

Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»

Балда мыслишь: — Этого провестъ не штука!

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,

Замлукалъ онъ, какъ голодный кошенокъ.

«Здравствуй, Балда мужичокъ;

Какой тебѣ надобно оброкъ?»

Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,

Не было черпямъ пакой печали;

Ну, такъ и бышь — возьми, да съ уговору,

Съ общаго нашего приговору —

Чтобы впередъ не было никому горя:

Кто скорѣе изъ насъ обѣжипшь около моря,

Топъ и бери себѣ полный оброкъ,

Между шѣмъ приговояпшь памъ и мѣшокъ.»

Засмѣлся Балда лукаво:

— «Что ты это выдумалъ, право?»

Гдѣ тебѣ пягашься со мною,

Со мною, съ самимъ Балдою?»

Экаго послали супостапа!
Подожди-ка моего меньшаго брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцовъ, да въ мышокъ.
Къ морю опяшь онъ приходишь;
У мѣря бѣсенка находишь.
Держишь Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу баламайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною шягаешься слабенецъ —
Эпо было бѣ лишъ время прапа.
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, при! Догоняй-ка.»
Пустились бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Воптъ, море кругомъ объжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенецъ, лапкой упираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
Глядь — а Балда брата гледишь,
Приговаривая: «Братецъ мой любимый,
Успалъ, бѣдняжка! Отдохни родимой.»
Бѣсенокъ опоропѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На брата поглядываетъ бокомъ.
«Погоди,» говоришь, «схожу за obroкомъ.»

Пошелъ къ дѣду; говоришь : «Бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Спарый бѣсъ спалъ шупъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смушилось,
И волнами пакъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай : видишь ты палку эшу?»
Выбери себѣ любую мепу —
Кпо далѣе палку бросишь,
Топъ пускай и оброкъ уносишь.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ эшой тучки;
Зашвырну туда швою палку,
Да и начну съ вами, черпями, свалку.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказываешь про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумишь,
Да черпямъ веревкой грозишь.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ : «Что ты хлопочешь?
Будешь тебѣ оброкъ, коли захочешь»...
— «Нѣтъ,» говоришь Балда,
«Теперь моя череда —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!

Видишь: памъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка шы,
Да неси ее полверспы;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ швой;
Не снесешь кобылы — анъ будешъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзь,
Понапужился,
Понапружился,
Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ,
На шрепьемъ упалъ, ножки пропянулъ.
А Балда ему: «Глупый шы бѣсъ,
Куда шы за нами полѣзь?
И руками-шо снесши не смогъ,
А я, смопри, снесу промежъ ногъ.
Съль Балда на кобылу верхомъ,
Да верспу проскакалъ, такъ чпо пыль сполбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлашь нечего — черши собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идешь Балда, побрякиваетъ.
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,
Со страху корячется.
Балда его шуть опыскалъ,
Отдалъ оброкъ, плапы шребовашъ спалъ.

Бѣдный купецъ Кузьма Осполопъ
Подспавилъ лобъ
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ Кузьма до пошолка,
Со втораго щелчка —
Лишился Кузьма языка,
А съ прешьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!...»

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА.

ПОСЛѢДНІЯ
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. Пушкина.

—

I.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бакаловъ звонъ мѣшался,
И пѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея запѣй.

Теперь не по: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, ушихъ, оспепенился;

Спаль гуще звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не пакъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустинѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздаешся;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятой разъ
 Мы празднуемъ Лицея день завѣщанный;
 Прошли года чредою незамѣпной;
 И какъ они перемѣнили насъ!
 Недаромъ, нѣшъ! промчалась чешверпъ
вѣка;

Не съшуйше: шаковъ судьбы законъ;
 Врацается весь мѣръ вокругъ человекъ,
 Уже ль одинъ недвижимъ будешъ онъ?
 Припомните, о други! съ шой поръ,
 Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
 Чему, чему свидѣтели мы были!...
 Игралица шаинспвенной игры,
 Мешалися смущенные народы,
 И высились и падали цари;
 И кровь людей по славы, по свободы,
 То гордоспи багрила алшари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
 Какъ Царъ для насъ открылъ чертогъ Цари-
цынь —

И мы пришли, и вспрѣпиль насъ Куницынъ
Привѣшпвіемъ межъ Царшвенныхъ госпей.
Тогда гроза двенадцашаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыпалъ великаго народа —
Еще грозилъ и колѣбался онъ.

Вы помнише: шекла за рапью рапъ;
Со спаршими мы брапьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя шому, кто умирапъ
Шель мимо насъ . . . И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ Московскимъ озарились
Его полкамъ гоповые снѣга.

Вы помнише, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой воспоргъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спасишель ихъ свободы!
Вы помнише, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ главный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;

И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро спалъ ;

.

(Конца нѣтъ).

II.

МОЛИТВА.

Опщы-пустыинники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлепашъ во обласпи заочны,
Чтобъ укрѣпляшъ его средь дольнихъ бурь и
бипвъ,
Сложили множество божественныхъ молишвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ па, копорую священникъ повпоряешъ
Во дни печальныя великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходилъ на уста—
И падшаго свѣжилъ невѣдомою силою:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрыпой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣшъ мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да брапъ мой опъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, шерпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

III.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Опять на родинѣ! я посѣпилъ
Топъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Опшельникомъ два года незамѣпныхъ.
Ужъ десяшь лѣтъ ушло съ шѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И кажешся вчера еще бродилъ
Я въ эшихъ рощахъ.

Вошь смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже спарушки нѣшь, ужъ за спѣною
Не слышу я шаговъ ея шажельхъ,
Ни ушренихъ ея дозоровъ. Вошь
И холимъ лѣсиспый, надъ кошорымъ часпо
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ груспью

Иные берега, инья волны...
Межъ нивъ запахъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, спелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плывешъ рыбакъ и тянешъ за собой
Убогой неводъ. По берегамъ оплогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крымя
Ворочая при вѣтрѣ. . . .

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ шомъ,
Гдѣ въ-гору подымается дорога,
Изрытая дождями, при сосны
Стояшъ, по-одамъ двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣперъ съ ихъ вершинъ
Меня привѣщивовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опянь; онѣ все тѣ же,
Все шомъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты пѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣши.
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ поварилъ,

Толь IX.

16

Какъ старый холоспякъ, и вокругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу пвой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Опть гмазь прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспомнеть...



ПРИБАВЛЕНІЕ.

ЛИЦЕЙСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

—

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ побою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хапы скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечпой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И Музу призывалъ
На пиръ воображанья.
Сокровища мои
На днѣ швоемъ спаялся.
Тебя я посвяшилъ

Занятіямъ досуга
 И съ лѣнью примирилъ;
 Она пвоя подруга;
 Съ тобой успѣхъ узналъ
 Опшельникъ неизвѣспной...
 Завѣспной пвой кристалъ
 Хранишъ огонь небесной;
 И подъ-вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродишъ,
 Безъ всякаго пруда
 Оно въ пебъ находишъ
 Концы моихъ спиховъ
 И вѣрносъ выраженья,
 То звукобъ или словъ
 Нежданное спеченье,
 То ѣдкой шупки соль,
 То спранносъ рифмы новой,
 Неслыханной дополь.
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
 Я весело клеймилъ
 Зоила и Невѣжду
 Пяшномъ пвоихъ чернилъ...
 Но ихъ не разводилъ
 Ни пайной злоспи пвной,
 Ни ядомъ клеветы —
 И сердца проспобы
 Ни леспью, ни измѣной

Не замарала пы.
Безпечный сынъ природы,
Пока златыя годы
Въ забвеньи пращу я.
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница мол!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Уже ли ихъ забуду
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оспавъ, оспавъ порой
Привычныя зашты,
И дакпиль и хореи,
Для прозы почтовой.
Минушы хладной скуки,
Сердечной пустошы,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагъ передай....
Болѣливостью небрежной
И въшреной и нѣжной
Ихъ сердце упышай....

Когда же берегъ ада
На-вѣкъ меня возьмешь,
Когда со мной заснешь
Перо, моя опрада,
И ты, въ углу пуспомъ
Осиропѣвъ, оспынешь,
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ —
Тебя возьмешь унымой
Ч , другъ мой милой:
Послѣдній будь привѣтъ .
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго Поэта
Друзьямъ напоминай.

Б О В А.

Отрывокъ изъ поэмы.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рифмаповымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечищивалъ,
Не спарялся подражать ему
Въ нѣжныхъ чувстввахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго;
Не хопѣлъ я воспѣвать, какъ онъ —
Я хочу, меня чпобъ поняли
Всѣ опъ мала до великаго.
За Мильпономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ криль парись.
Но вчера, въ архивахъ росяся,

Опыскалъ я книжку славную,
 Золошую, незабвенную,
 Прочипалъ — и въ восхищеніи
 Про Бову пою царевича.

Незапомню, сколько лѣтъ спуся
 Послѣ рождеспва Спасителя,
 Царь Додонъ со славой царспвовалъ
 Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
 Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
 Не прямой доспалъ дорогою,
 Но убивъ царя законнаго
 Бендокира Слабоумнаго.

Царь Додонъ не *слабоумнаго*
 Былъ достоинъ злаго прозвища,
 Но тирана неусыпнаго
 (Онъ однако не имѣлъ его).

Лѣтъ мнѣ всѣ его достоинспва
 И пороки вамъ показываю;
 Вы слыхали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не слѣзалъ съ коня репиваго,
 Всюду пролепалъ съ побѣдою,
 Міръ крещеный попопилъ въ крови,
 Не щадилъ и некрещенаго,
 И, въ ничпожеспво низверженый
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,

Жизнь проводишь въ униженіи —
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Имперашоромъ...
Вошь шаковъ-шо былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣшь,
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На прешолъ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ шакую рѣчь:

«Вы, кошорые совѣшами
«Облегчали шяжестъ скипетра,
«Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему),
«Мудрые друзья, сподвижники!
«Къ вамъ прибѣгнушь я рѣшаюся:
«Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайше.

Всѣ привспали важно хмурясь,
Низко, низко поклонилися,
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
«Что искусствомъ и неправдою
«Я достигъ престола шапкаго
«Бендокира Слабоумнаго;
«Сочетался съ Милиприсою,
«Милой женкой Бендокировой,
«И въ шемницу посадилъ Бову,
«Принца крови, сына царскаго.

«Легче, легче захватишь было
 «Слабоумнаго злапой вѣнецъ,
 «Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
 «За собою удержишь его.
 «Вопь уже народъ безсмысленный,
 «Ходя въ праздники по улицамъ,
 «Межь собой неразъ говаривалъ:
 «Дай Богъ помочь королевичу —
 «Вѣдь Бова уже не маленькой,
 «Не въ отца своей головушкой.
 «Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою;
 «Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
 «Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
 Всѣ въ молчаньи попустили взоръ.
 То-то право золопой Совѣтъ,
 Не болтали здѣсь, а думали:
 Арзаморъ, мужъ спарый, опытный,
 Ротъ открылъ-было (совѣтовавъ
 Знашь хопѣлосъ посѣдѣлому),
 Громко крикнулъ, но одумался
 И въ молчаньи закусилъ языкъ.
 Ко лбу перепъ приспавя щцашельно,
 Лекаръ, славный Эскулапа внукъ,
 Эзельдорфъ, обрипый весь, зѣвалъ
 Табакеркою поскрипывалъ,
 Но молчалъ; своей премудрости

Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Спражи прона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ непроницабельный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и храпѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуешь?
Что людьми сильнѣй ворочаешь?
Вопъ звнули подъ перчаткою,
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣпъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать-было совѣпникамъ,
Если бъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ .
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покашилася
И о шпору вдругъ ударилася
Громобура, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Оплетѣла въ разны спороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе,

Между-шѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется —
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды попрысаются,
Окны всѣ дрожащъ и сыплются
И на пепляхъ двери хлопающъ;
Пробуждается собраніе.

«Что шущъ думать, закричалъ герой:
«Царь! Бова тебѣ не надобень,
«Ну, и къ чоршу королевича!
«Рѣшено — ему въ-живыхъ не бышь.
«Послѣ, брашцы, вы разсудите,
«Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.
Тѣмъ и кончилъ; храбры воины
Рѣчи любящъ лаконически.

Ладно! мы шебя послушаемъ,
Царь промолвилъ пропянувшися;
Завшра, други, мы увидимся,
А пеперь спупайте всѣ домой.

Оплошалъ Додонъ оперочкою:
Не пвердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не опкладывай до завшраго,
Что сегодня можешъ выполнишь.»
Разошмися всѣ придворные.
Ночь межъ-шѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую

Вмѣспѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милиприсою.

Милиприсина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель спаномъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ плащье шелково —
Юбку, чепчикъ, ленпы, кружева,
Все подъ ключъ въ комодъ спрячала
И пошла пихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ шрудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣпозара, пажа царскаго:
Къ темной нощкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнушь къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу! бѣетъ полночь — что же Зоинька?
Видишь: входяшь къ ней въ окошечко —
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, чипашели!
Видишь Зоя привидѣніе:
Спаричишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣспо маншіи,
Опоясанный мочалкою;

Видъ пропивный, глазъ на выкапъ,
 Ротъ разинушъ, зубы скаляшся,
 Уши длинныя, ослиныя
 Надъ плечами громко хлопающъ....
 Зоя смоприпъ и со шрепешомъ
 Узнаешъ она, чипашели,
 Бендокира Слабоумнаго.

Трепешна, смяшенья полная,
 Спала на колъни Зоинька,
 Съединила ручку съ ручкою,
 Потушила очи ясныя,
 Прочитала скорымъ шопопомъ
 Отче нашъ и Богородицу,
 И шихохонько промовила:
 Чпо я вижу? Боже! Господи!
 О Никола! Савва мученикъ!
 Осъните беззащитную.
 Ты ли это, царъ нашъ батюшка?
 Опъ чего, скажи, оспавилъ ты.
 Нынъ царспвіе небесное?
 Спраннымъ смъхомъ освѣпившися,
 Твнъ река прекрасной Зоинкъ:
 «Зоя, Зоя! не спрашисъ, мой свѣтъ!
 «Не пугашъ тебля мнѣ хочется,
 «Не на то сюда явился я
 «Съ шого свѣта привидѣніемъ.
 «Весело пугашъ живыхъ людей;

«Но могу ли веселиться я,
 «Если сына Бендокирова,
 «Милаго Бову царевица,
 «На костръ изжаряшь завтра же?»

Бѣдной царь заплакалъ жалобно;
 Больно спало доброй дѣвушкѣ.
 — Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
 Я во всемъ тебѣ покорюсь. —

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
 «Изъ пемницы сына выручи,
 «И сама въ жилище мрачное
 «Сядь на мѣсто королевича;
 «Поспрадай ты за невиннаго;
 «Поклонюсь тебѣ низехонько
 «И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька шутъ призадумалась;
 Это жестко ей казалось;
 Но, имѣя чувства мѣжныя,
 Зоя вшайнѣ согласилась
 На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
 Говоря, что жены, слабыя
 Прощивъ спрѣль Эропа юнаго,
 Всѣ имѣютъ душу добрую,
 Сердце нѣжно - непришворное.
 — Но скажи, о царь возлюбленный!
 Зоя молвила покойнику,

Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренеспись въ шемницу мрачную,
Гдѣ горюепъ пвой любезный сынъ?
Пяшьдесяпъ отборныхъ воиповъ
Днемъ и ночью сперегупъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщиной,
Обманупъ ихъ очи зоркія? —

«Будь спокойна, случай найдется;
«Поклянись лишь шолько, милая,
«Не отвергнупъ сего случая,
«Если самъ тебѣ представипся.»
— Я клянусь! — сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быспро вылепѣвъ.
Воздыхал тихо, Зоинька
Опустила шупъ окошечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

—

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насаж-
денныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей —
Возможно ль? милая Климена!
Какая странная во вкусъ перемѣна:
Ты любишь обонять не упренный цвѣпокъ,
А вредную праву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ душистый порошокъ?
Пускай уже съдой профессоръ Геппингена,
На спарой каедръ согнувшись дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокий разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ полченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;

Пускай молодой драгунъ усапой,
Поупру сидя у окна,
Спаканы сушитьъ всё до дна,
И чтобъ прогнашь оспапокъ сна,
Изъ прубки пенковой дымъ гонитьъ сѣровапый;
Пускай красавица шешидесяпи лѣтъ,
У коей держишь вся прелестъ на подспавкѣ,
У коей безъ морщинъ на пѣлѣ мѣста нѣтъ,
Чаекъ въ-прикуску попиваетъ,
Съ Сарепшскимъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелеспная! Но если ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ... о пылъ воображенья!
Ахъ! если бѣ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ започеньи,
Я въ перспы нѣжные швои попасъся могъ;
Тогда бѣ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь.
Но, что! мечта, мечта пустая!
Не будетъ эпого никакъ!
О доля челоуѣка злая!
Ахъ!... опъ чего я не... табакъ!

КЪ НАТАЛЬѢ.

—

Такъ, и мнѣ узнашь случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце спраспное плѣнилось —
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролепѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ;
Какъ въ шеатрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ лешалъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ каррикашуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ понался —
Самъ, увы! съ-ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Капоновъ я въ опспавку,
И шеперь я — Селадонъ!

Миловидной жрицы Талы,
Видѣль прелести Наталы —
И ужъ въ сердць Купидонъ!
Такъ, Наталья! признаюся,
Я тобою полонень;
Въ первый разъ еще (спыжуся)
Въ женски предести влюблень;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою заняпъ я;
Ночь придетъ — и лишь себя
Вижу я въ пуспомъ мечпань,
Вижу, въ легкомъ одѣянъ
Будшо милая со мной:
Робко, сладоспно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ запмившей бѣлизной —
И полуопверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи —
Духъ въ воспоргъ приводяпъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею;
Вижу дѣвспвенну лилею,
Трепещу, шомлюсь, вѣмѣю...
И проснулся — вижу мракъ
Вкругъ поспели одинокой!
Ипускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, помноокой
Отмешаетъ на крымахъ;

Спросишь сильнѣе спановишься —
И, любовью упомясь,
Я слабѣю каждый часъ —
Все къ чему-то умъ спремился.
Но, Напалья! ты не знаешь,
Кто пвой нѣжный Селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Опъ чего не смѣешь ойъ
И надѣяшься? — Напалья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не Арапъ, не Турокъ я;
За учпиваго Кипайца,
Грубаго Американца
Почипать меня нельзя;
Не представъ и Нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налипою
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не предсхавъ кавалергарда
Въ каскѣ съ длиннымъ палашомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчаютъ моей руки.
Кто же ты, болтунъ влюбленный?

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

—

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерпалъ;
Тебѣ немного Богъ послалъ;
Твой голосокъ, шѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не спѣяшь, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жесткою суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Хлоя, ты мила собой;
Тебѣ во-слѣдъ попляшя смѣхи,
Суляшь любовникамъ ушѣхи —
И такъ, вънцы передъ побой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зришеля ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь — и часно не въ-попадъ;

А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричапъ:
Bravo! bravissime! чудесно!
Свиспки сапириковъ молчапъ,
И всѣ покорспвуютъ прелеспной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подынешь ихъ — и снова
На грудь положишь не спыдишь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ
Въ любви безъ чувства увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ
Холодный испуская ахъ!
Спокойно въ кресла упадаешь;
Краснѣя и чуть - чуть дыша,
Всѣ шепчущъ : ахъ! какъ хороша!
Увы! другую бѣ освиспали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя! мудрые солгали:
Не все на свѣпъ суеша.

Плѣнай же, Хлоя, красотою!
Спокрапъ блаженъ любовникъ шопъ,
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь, о любви поешъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянешся обожашъ,

Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жашь руку ей, надѣясь быть
Еще блаженный за кулисой!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

—

Пуškai, не знаясь съ Аполлономъ
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможъ знашному съ поклономъ
Подносишь оду въ двѣсти спрофъ;
Но я, любезный Горчаковъ!
Не просыпаюсь съ пѣснями,
И напыщенными стихами
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣшь пустаго не умѣю
Высоко, поню и хипро;
И въ лиру превращаешь не смѣю
Мое гусяное перо!
Нѣшь, нѣшь! любезный князь, не оду
Тебѣ намѣрень посвяпишь;
Что прибыли совашься въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ-слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на имянины!...

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать опъ числа сердца другу?
Глубоку ль спароспъ, милый князь?
Дъшей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звъздъ, чеспей?
Не пожелаешь ли, чпобы славой
Ты увлеченъ былъ въ пупъ кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ бипвахъ громъ изъ рукъ мешалъ?
И чтобъ побѣда за шобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ лепала въ слѣдъ?
Не сладоспраспїя поспъ
Такою пѣсенкой поздравипъ —
Онъ лучше музъ на-вѣкъ оставипъ!
Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Пипомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А шамъ, когда Спигійскій брегъ
Мелькнепъ въ шуманномъ опдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ спраспномъ упоеньи
Ты съ помной сладоспью въ очахъ
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вспупая въ мрачный чолнъ Харона,
Уснулъ Элены на грудяхъ!

Л Е Д А.

(Кантата).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ ду-
шиспыхъ,
Въ высокомъ проспникѣ, гдѣ чистымъ жемчу-
гомъ

Вздывалась тѣна водъ сребриспыхъ —
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы спыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
И прелести ея пошокъ волной игривой
Съ весельемъ ороцалъ.

Жишель рощи шоропливой,
Будь же скромень, о ручей!
Тише, спруйки говорливы!
Измѣнишь спрашишесь ей!

Леда робоспью прелещеть,
Тихо дышеть снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещеть,
Ни зефиръ не смѣеть душъ.

Въ роуцѣ шорохъ упихаешъ,
 Все въ прелестной пишинѣ;
 Нимфа далѣ спупаешъ,
 Робкой вѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ воз-
 шумѣло —

И чувство робости прекрасной овладѣло.
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть—
 И вопъ пернатыхъ царь изъ-подъ склонен-
 ной ивы,

Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плывешъ — веселья полна грудь;
 Съ шумящей пѣною опшважно волны гонитъ,
 Крылами воздухъ бешъ,
 То въ кольца шею вешъ,
 То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ—
 Леда смѣется,
 Вдругъ раздаешся
 Радости кликъ...
 Видъ сладоспращный!
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ,
 Слышно спенанье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ помленьяхъ воздыхая.
И чпожъ увидѣла? На ложъ изъ цвѣшовъ
Она покоишся въ объятіяхъ Зевеса,

Межъ ними юная любовь —

И пала шаинспива прелеспнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научишесь

Розы — дѣвы красоты;

Лѣшнимъ вечеромъ спрашишесь

Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ шаишся

Часно пламенный Эротъ;

Съ хладной спруйкою кашишся,

Спрѣлы прачешъ въ пѣнѣ водѣ.

Симъ примѣромъ научишесь,

Розы — дѣвы красоты;

Лѣшнимъ вечеромъ спрашишесь

Въ темной рощицѣ воды.

О С Г А Р Ъ.

По камнямъ гробовымъ, въ шуманахъ полуночи,
Спупая препенно успалою ногой,
По Лоръ пупникъ шелъ; напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ шмъ гуспой.

Пещеры нѣшь предъ нимъ, на берегъ угрюмомъ;
Не видипъ хижины, наслѣдя рыбаря;
Въ дали дремучій боръ качають въпры съ шу-
момъ,

Луна за пучами и въ моръ спипъ заря.

Идепъ, и на скаль, обросшей влажнымъ мо-
хомъ,

Зрипъ барда спараго — веселье прошлыхъ лѣпъ:
Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ попо-
комъ,

Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ полешъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на въпви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ спранъ, и пупникъ болзливый
Содрога въ ужасъ и мимо поспѣшилъ.

«Спой, пушникъ! спой! въцалъ пѣвецъ въ-
ковъ минувшихъ:
Здѣсь пали храбрые; почпи ихъ бранный прахъ,
Почпи геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на
холмахъ

Возспавшій рядъ пѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на спранника склонялъ.
— Чей гробъ я вижу памъ? въцалъ иноплемен-
ный,

И Барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ спальной, къ утесу при-
гвожденный,

Бросали пускмый лучъ, луною озлапясь.

Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ спарецъ вдохно-
венный.

О! рано юношѣ наспалъ послѣдній часъ!

Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ рапномъ
спроѣ

Онъ первыя спрѣлы съ весельемъ ожидалъ,

И рвался изъ рядовъ и палъ въ кипящемъ боѣ.

Покойся, юноша! ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ
Мальвину;

Неразъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,

И пѣнь упавшую съ приморскихъ грозныхъ
 скалъ.

Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли;
 Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ.

Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
 И вечеръ гореспи для юноши наспалъ!..

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
 Осгаръ спучился въ дверь красавицы молодой,
 И шепчетъ: «юный другъ! немедли, здѣсь твоя
 милой!»

Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
 Спучитъ и слушаеть: лишь въпры съ свиспомъ
 воюетъ.

«Ужели спишь шеперь, Мальвина?» Мгла во-
 кругъ,

Валился снѣгъ, влася въ шуманѣ леденѣюетъ.

«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»
 Онъ въ прешій разъ спучитъ. Со скрипомъ
 дверь шагнулася:

Онъ входитъ съ прешпомъ; несчастный! чшо жъ
 узрѣлъ?

Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулася;

Онъ зришь — въ объащяхъ измѣнницы Звиг-
 нель!

И ярось дикая во взорахъ закипѣла;

Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой.

Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звиг-
нела,

И блѣдный духъ его сокрылся въ пмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна.

Но взоры опирая: «живи!» възглаголюя Осгаръ;
Живи, ужъ я не швой, презрѣнна мной измѣна,
Забуду, пошушу къ невѣрной спраспи жаръ.

И шихо за порогъ выходитъ онъ въ молчань,
Окованъ мрачною, безмолвною шоской —
Исчезло сладкое на-вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу: поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ опчаяннн шепталъ;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердце горешномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣшскихъ лѣтъ взглянулъ онъ пороп-
ливо:

Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
Опъ пиршесствъ удаленъ, въ пустынь молчаливой
Онъ одиночешвомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ прубный гласъ: Оденонъ слышъ,
Фингалъ,

Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сра-
женій.

Осгаръ послышалъ вѣспъ и бранью воспыалъ.
Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ
бѣжала:

Покрыпый ранами, здѣсь палъ на грудѣ пѣлъ;
Онъ палъ — еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слепѣлъ!

Побѣгли вспяшь враги — и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!

Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ стягиваетъ сырая ізма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла пѣнь сидитъ —
И шпѣлы дребезжатъ, спущитъ броня съ кол-
чаномъ,
И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.

Э В Л Е Г А.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣесть входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумишь и пѣнишься волна.
Вечоръ, когда шуманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во шмѣ ночной, печальна и одна.

Приди, Одульфъ! ужъ роца поблѣднѣла;
На дикій мохъ Одульфа ждашь я съла;
Пылаешь грудь, за вздохомъ вздохъ лепишь.
О! сладко живишь, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ! забудусь я съ тобою. —
И поцѣлуй любовью возгорнись!

Бѣги, Осгаръ! швои мнѣ спрашны взоры,
Твой грозень видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною шоржествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремашь

Ужъ на зарѣ другой меня объемишь, —
И сладоспенье его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлишь онъ свершишь мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Зависпмливый покровъ у ногъ лежишь.
Но, чу! идушь — шакъ! это другъ надежный!
Ужъ начались воспорги спраспи нѣжной —
И поцѣлуй любовью возгорнись.

Идешь Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжишь печаль;
Но близъ него во шмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
Кѣпо ты? спросилъ, почто ты здѣсь, въщай!
Опвѣспспвуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!»
— Безсильный врагъ! Осгара убѣгай!
Въ пустынной шмѣ чпѣ ищущъ робки очи?
Спрашнсь меня: я спраспью воспалишь.
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждешь Осгара;
Булатный мечъ въ минушу обнаженъ,
Огонь лепишь спруями опъ удара.

Услышала Эвлега спужъ мечей,
И бросила со спрахомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣшь предметъ любви швоей!
Вскричалъ Одульфъ подругъ нѣжной, вѣрной.
Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
Во шмѣ ночной васъ услаждаешь нѣга —
Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ шрепешомъ Эвлега
Падешъ на дернъ, какъ клокъ лепучій снѣга,
Мешелицей оппорженный со скаль!
Другъ на друга соперники спремяся,
Кровавый шокъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ опчаяньемъ капящся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
И смерти хладъ ихъ яросшь оковалъ!

О К Н О .

Гдѣ міръ, одной мечигъ послушной?
Мнѣ наспоаяцій опускаль!
На все взираю равнодушно;
Дышапъ унынъемъ мой удѣль.
Напрасно лѣшнею порою
Любовникъ роициць и луговъ
Кольшешъ розой полевою,
Лепя съ пѣниспыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаешъ въ темнопъ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлиша пламенной рѣкой,
Иль день багрый вечерешъ
И пихо шускнешъ небосводъ,
И кленъ на мѣсяцъ бѣлешъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ,
Недавно темною порою,
Когда пусынная луна

Текла шуманною спезією,
Я видѣль: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла,
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами пущь.
Я здѣсь! шепнули поропливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла бояливо,
Луна покрывась темнопой.
Счастливецъ! молвилъ я съ шоскою,
Тебя веселье ждешъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроспся окно?

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

—

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой! кричалъ, прелестная, поспой!
Скажи: люблю — и бѣгай за тобой
Не стану я, клянуса въ помъ Кипридой.
Молчи, молчи! разсудокъ говорилъ,
А плушь Эрошь: скажи; ты сердцу миль.

* * *

Ты сердцу миль! пастушка повпорила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И спрашивнй взоръ Дорида пошупила!
Бѣги, бѣги! разсудокъ ей швердилъ,
А плушь Эрошь — ошанься! говорилъ.

* * *

Осталася, и препепной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ.
Взгляни, сказалъ: съ подругой голубокъ

Тамъ обнялись подъ пѣвнью лихъ гуспою!
Бѣги, бѣги! разсудокъ повпорилъ;
Учись опъ нихъ, Эропъ ей говорилъ.

* * *

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вопъ она съ помлениемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія ушла...
Будь счастлива! Эропъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жъ? разсудокъ ужъ молчалъ.

КЪ НАТАШЪ.

—

Вянепть, вянепть лѣпо красно,
Улепаюпть ясны дни!
Спелется туманъ ненаспной
Ночи въ дремлющей пѣвни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

* * *

Свѣпть - Наташа! гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зрптъ?
Иль не хочешь часть единый
Съ другомъ сердца раздѣлишь?
Ни надъ озеромъ волниспымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душиспымъ
Ранней, позднею порой,
Не встрѣчаюсь я съ шобой.

* * *

Скоро, скоро холодъ зимній
Рошу, поле посѣпипъ;
Огонекъ въ лачушкѣ дымной
Скоро ярко заблещипъ;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ кѣшкѣ пѣсной,
Дома буду горевать
И Нашашу вспоминаять.

Н А С Л А Ж Д Е Н І Е .

—

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость оплешааетъ
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минулъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношеска лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ помномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ опдаленье
Неперпѣливо я смотрѣлъ :
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ лепѣлъ.
Злапья крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли опдаленной,

Но цѣли милой не достигь!..
Когда жь, весельемъ окриленной,
Наспанетъ счастья быспрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣпильникъ пускльй юныхъ дней,
И мрачной пущь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

КЪ МАШЪ.

—

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплепы рифмы набросашь,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.
Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣюпъ погодипъ:
Еще семь лѣпъ — и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быпъ.
Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будепе сидѣпъ,
И жершвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ лепѣпъ.
И ужъ не вспомнипе поэта...
О Маша, Маша! поспѣши,
И за чепыре мнѣ куплепа
Мою награду напиши.

—

ПОГРЕБЪ.

О, сжалъпесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я шоскую;
Горька моя судьба!
Несише жъ круговую,
Откройте погребѣ.

Тамъ, шамъ во льду хранишся
Бупылокъ гордый спрой,
И порпера шаишся
Боченокъ выписной.

Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажешъ пупъ —
Пойдемше всъ, шапаясь,
Подъ бочками заснупъ!

Въ нихъ сердца упъшенъе,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенъе,
И жаръ моихъ спиховъ.

И С Т И Н А.

—

Недавно мудрые искали
Забывшихъ испины слѣдовъ,
И долго, долго полковали
Давнишни полки спариковъ,
Твердили: «испина нагая
Въ колодезь убралась пайкомъ.»
И дружно воду выпивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

* *
* *
*

Но кто-шо, смершныхъ благодѣшель —
И чупь ли не спарикъ Силенъ —
Ихъ важной глупости свидѣшель,
Водой и крикомъ упомень,
Оспавилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

—

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

—

Други! пусть года несутся,
О годахъ ли намъ шужипь,
Коль не все и лозы вьюпся?
Но скорѣй и пипь — и жипь.

* *
* *

Громкѣй смѣхъ надъ лекарями
При плесканьи полныхъ чашъ!
Вѣрьте мнѣ, Игея съ нами,
Самъ Ліэй цѣлипель нашъ.

* *
* *

Пѣнный мозель восхищенье
Изливаспъ въ нашу кровь;
Пейте жъ съ нимъ вы ушѣщенье
И болтливую любовь!

* *
* *

*

Выпили. Еще! кругами
Рдѣепъ радоспъ на щѣкахъ —
Порхъ! Амуръ забилъ крылами —
И мы дремлемъ на цвѣсахъ.

С Т А Н С Ы.

(Изъ Вольтера).

—

Ты мнѣ велишь пылашь душою —
Опдай же мнѣ пропекши дни;
Съ моей вечернею зарею
Мое ты упрю съедини.

Мой вѣкъ невидимо проходишь
Изъ круга смѣховъ и Харипъ;
Ужъ время скрышься мнѣ велишь
И за руку меня выводишь.

Не дасъ оно пощады намъ:
Кто примѣняшь не умѣешь
Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Толъ ихъ несчащя лишъ имѣешь.

Счасливцамъ рѣзвымъ, молодымъ
Оспавимъ спраспи заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья —
Одно разсудку опдадимъ.

Вы, услаждавшія печали
Минушной младоспи моей,
Любовь, мечпанья первыхъ дней!
Уже ль на-вѣкъ вы убъжали?

Намъ должно дважды умирать;
Простипься съ сладостнымъ мечпань-
емъ:

Вопшь смерть ужасная спраданиемъ!
Что значипшь послѣ не дышать?

На пасмурномъ моемъ закапѣ
Среди пуспынной темноты
Такъ сожалѣлъ я объ ушрапѣ
Обмановъ милья мечпы!

Тогда на голось мой увнымой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжностпи была.

Я ей принесъ увядши розы
Оспрадныхъ юношеспива дней,
И въ слѣдъ пошелъ — но лилъ я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

Д Е Л І Я.

—

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлучень съ шобою —
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечшою
Обольспилъ меня?

* * *

Ты узнала ль друга?
Онъ не шо, чшо былъ;
Но шебя, подруга!
Все жъ не позабылъ —
И швердишь унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

* * *

Что теперь сравнися
Съ долею моею?
Вопъ слеза капнися
По щекъ швоей —
Делія стыднися. . . .
Что теперь сравнися
Съ долею моею?

КЪ ДЕЛІИ.

—

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса,
Звѣзда любви злая,
Спѣши: швой Аргусъ удалился,
И сонъ сомкнулъ его глаза.

* *
*

Подъ сѣнью пощаенной
Дубравной пишины,
Гдѣ шокъ уединенной
Сребристыя волны
Журчатъ съ унылой Филомелой,
Гоповъ пріюпъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

* *
*

Накинушь пѣвни ноци
Покровы намъ свои,
И дремлюшь сѣни роци,
И быспро мигъ любви
Лепишь — я весь горю желаньемъ:
Спѣши, о Делія! свиданьемъ,
Спѣши въ обѣщія мои.

ВОСПОМИНАНІЕ

(Къ Пушкину).

—

Помнишь ли, мой брашъ по чашѣ,
Какъ въ оспрадной пишинѣ
Мы попили горе наше
Въ чиспомъ пѣниспомъ винѣ?

Какъ, уквившись молчаливо
Въ нашемъ шемномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной спражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шепшанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя прубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные шекли!...
Вдругъ педанша гласъ ужасной
Намъ послышался вдали —

И брызжки вмигъ разбины —
И бокалы все въ окно,
Всюду по полу разлипы
Пуншъ и свѣпное вино.

Убѣгаемъ порошиво;
Въ-мигъ исчезъ минушній страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣшъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной пусклой взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья.
Сладкой Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за споломъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминашь его виномъ.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ).

Пускай позпѣ съ кадилницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой —
Мнѣ спрашенъ свѣтъ, проходишь вѣкъ мой тем-
ной
Въ безвѣспности, заглохшею нрпой.
Пускай пѣвцы греющими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даюпъ;
Мой голосъ шихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріюпъ.
Пускай любовь Овидіа покопъ,
Мнѣ не дастъ покоя Циперея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьюпъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея.
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоишься въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.
Приди, о лѣнь! приди въ мою пустыню!
Тебя зовупъ прохлада и покой;

Въ одной пещѣ я зрю свою богиню;
Гопово все для гопши молодой.
Все пихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось помолтно,
И въ темной нишѣ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чушь крадется невѣрный свѣтъ дневной —
Вопъ мой диванъ; приходи жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все швое: вопъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! дивитесь вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ пронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспую.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ спихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хопите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средъ общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечпанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безопасно,

Тамъ прямо рай; но прочь ошь городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучишь вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день,
Съ прелестницею ловишь веселья пѣнь;
Въ плапокъ зѣвашь, блистая въ модномъ свѣшъ;
На балъ въ ночь вершѣшься на паркешъ:
Но можно ли вкушашь опраду сновъ?
Наспала пѣнь, уснушь лишь я гошовъ,
Обмануемый призраками ночными —
И вопъ уже, при свѣшъ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Спуча, гремя колесами злаными,
Капишся спѣсь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожишь —
На скучный балъ разстѣянье лепишь...
О Боже мой! уже ли здѣсь ложащся,
Чтобы всю ночь безсонницей перзашься?
Еще спучапъ, а шамъ уже свѣшло,
И гдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село? —
Тамъ рошица лиспочковъ препепаньсмъ,
Въ лугу попокъ пайнспивеннымъ журчаньемъ,
Зланыхъ полей, долины пишина:
Въ деревнѣ все къ помленью клонишь сна!
О сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣшухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подынешь, можешъ бышь;
Опасенъ онъ — онъ можешъ разбудишь.

И такъ, пускай, въ сераяхъ удаленны,
Сулшаны куръ гордящяся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спашь хопимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, карешъ и пѣшуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? движенъе, господа!
Похвальна лѣнь; но естъ всему предѣлы:
Смоприте, Клипъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидишь съ подагрой и шоссой!
Насупилишь день: несчастный! задыхаясь,
Крехтя, ползешъ съ поспели на диванъ;
Весь день сидишь; когда жъ ночной шуманъ
Подернешъ свѣпъ, во мракъ разспинаясь,
Съ дивана Клипъ къ поспелѣ поползешъ;
И какъ же ночь, несчастной, проведешъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣннѣ?
Нѣпъ! сонъ ему не радость, а мученъе;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроешъ томны очи,
И меденной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,

Предписываю вамъ пляжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья —
Нѣтъ! въ роци я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ упрю здѣсь прекрасно!
Въ пиши полей, сквозь пайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крупныхъ холмовъ успаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубока вашъ буденъ сонъ.
Какъ только пѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, опрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надупыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.

Не ужинашь — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Брегнешь вы, о дѣпи мудрой лѣни!
Обманчивой успокоенья пѣни:
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный опъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ несносное помненье,
И скученъ сонъ и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокоцешь и кипишь,
Прелестный сонъ, успалоспи награда,
При шумъ волнъ на дикій брегъ слепишь,
Покроешь взоръ шуманной пеленою,
Обнимешь васъ, и пихою рукою
На мягкій мохъ преклонишь, осѣнишь:
О! сладосно близъ шумныхъ водъ забвенье;
Пусть далѣ продлится вамъ покой —
Завидно мнѣ счастливица наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, пихомъ свѣтѣ,
Сидѣшь однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
Часть-опъ-часу темнѣешь оконъ свѣтѣ;

На пополкѣ какой-то призракъ бродилъ;
Блѣднѣешь ужъ — и синевапый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вѣясь, уходилъ;
И вопль, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводилъ.
Темнѣешь взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ вадишся,
И голова съ плеча на грудь капишся.
Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
Нежданнй сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный испѣлишель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшилель!
Тебѣ всегда я жертвовалъ любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:
Забуду ли то время золопое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ припаясь,
Я призывалъ и ждалъ себя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болпливости своей;
Но дѣпскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молишвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестилъ меня,
И шопопомъ рассказывалъ мнѣ спанель

*

О мерпведахъ, о подвигахъ Бовы.
Огнь ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Нѣ чувствую ни ногъ, ни головы,
Подъ образомъ проспой ночникъ, изъ глины,
Чушь освѣщаль глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ропъ, гдѣ зуба два спучало —
Все въ душу спрахъ невольный поселяло;
Я трепещалъ, и шихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылашья мечпы,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Вспрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней. —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайше мнѣ Альбана киспи нѣжны,
И я мечпу молодой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? воспоргами родилась,
И въ топъ же мигъ воспоргомъ истребилась.
Проснулся я; ищу на небъ день:
Но все молчишь; луна во пмѣ сокрылась,

И вокругъ меня глубокой ночи пѣнь.
Но сонъ мой пихъ! безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной пиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни спарый дворъ какихъ-то спарыхъ Музь.

Я не герой, по лаврамъ не шоскую;
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудишся мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ — и лаемъ песь приврапной
Не возмущалъ мечты моей пріапной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и шоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣпей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный спрахъ
Не хмуришся угрюмо въ-головахъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
Я вянущу, прекрати птяжелый жизни сонъ,
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

• * *

Уже ли никогда на друга другъ не взглянешь,
Иль вѣчной темной покрывы дни мои?
Уже ли никогда насъ утро не заспанешь
Въ объятіяхъ любви?

* * *

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу себя съ весельемъ обнимашь,
На милую спремашь помленье полны очи
И спрасью препешашь?

* * *

И въ радости нѣмой, въ воспопгахъ у поенья
Твой шопощь сладоспный и шомный спонъ вни-
машь
И пихо въ скромной шмѣ для нѣги пробуж-
денья
Близъ милой засыпашь.

С Л Е З А.

—

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

* *
*

Скажи, что смопришь на дорогу?
Мой храбрый спросилъ —
Еще по ней пы, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

* *
*

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ :
«Гусарь! ужъ нѣшь се со мною!...»
Вдохнулъ и замолчалъ.

* *
*

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокаль.
Дипя! ты плачешь о дѣвицѣ —
Стыдись! онъ закричалъ.

* *
* *

Оспавъ, гусарь! ахъ, сердцу больно!...
Ты, знашь, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ оправить бокаль!»

Э Л Е Г И И.

—

I.

Опянь я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брапу вновь просперились ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все шѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не шопъ... невидимой спезей
Ушла пора веселости безпечной,
Ушла на-вѣкъ, и жизни скоропечной
Лучъ упренный блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе распалося съ душой.
Опверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвостъ и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежишь надъ юною главой.
Напрасно вы, бесѣдою шумливой
И нѣжностью души краснорѣчивой,

Мой тяжкій сонъ хопише перервать!
Все кончилось — и рѣзвосты счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалишь угрюмыя спраданыя,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:
Мнѣ спрашенъ міръ, мнѣ скученъ дневный
свѣтъ;

Пойду въ лѣса, въ кошорыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мершвыи мракъ: я радость ненавижу;
Во пмѣ заспылъ ея минушннй слѣдъ.
Опали вы, лиспы вчерашней розы,
Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольню льющя слезы,
И вану я на шемномъ упрѣ дней.

О дружество! предай меня забвенью.
Въ безмолвіи, покорствую судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пущынямъ и слезамъ!

II.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлю полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слѣпѣю сновидѣнье.
Съ небесъ уже скапилась ночи тѣнь,
Взошла заря, блиспаеишь блѣдный день,
А вокругъ меня глухое запусиѣнье...
Ужъ нѣпшъ ея... я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашель чупъ видимыхъ слѣдовъ,
Оспавленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ея — и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ея въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечпами привлеченной;

Его струи медлительно текли:
Не пререпалъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладосной весны
Проспился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Спойтъ пуманъ на волнахъ охладѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели безпечныя забавы!
Забыты вы... до сладосной весны!

III.

С Н У.

—

Знакомецъ милый и спаринный,
О сонъ, хранипель добрый мой!
Гдѣ ты? подъ кровлею пуспынной
Мнѣ ложе спелепъ ужъ покой
Въ безмолвной пишинѣ ночной.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечпы благослови,
До упра только дай опраду
Моей мучительной любви.
Сокрой опъ памяпи унымой
Разлуки груспной приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милый.
Когда жъ умчипея ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забышь любовь до новой ночи!

IV.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердець!
Она даритъ одинъ лишь мигъ опрадный,
А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
Спокрапъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быспрый мигъ поймаешь на лешу;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Спыдливую преклонилъ красопу!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувспвами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли сираспъ — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и приспраспный,
Вамъ пернїа и мирпы раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ на - вѣкъ печалыи связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладоспъ;

Какъ упра лучь, сіяюшь ваши дни.
Пѣвцы любви! младую пойпе радосишь.
Склонивъ успа къ пылающимъ успамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Спихи любви, спихонько въздыхайте!...
Завидовашъ уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненіемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минупную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы вспрѣпали по крайней мѣрѣ славу —
И мукою безсмертны вы своей!

Не топъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной пимѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ съдымъ,
Въ поскѣ, слезахъ, нерѣдко я спенаю;
Но ропопъ волнъ спенаніямъ моимъ

И шумъ дубравъ въ опвѣспъ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжеться ль упоенье, —
Родипся жаръ, и спихо спынетъ онъ:
Безплодное проходипъ вдохновенье.
Шускай она прославипся другимъ;

Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснется
Спрадальца гласъ; она не улыбнется
Его спихамъ небрежнымъ и просшимъ.
Къ чему мнѣ пѣшь? подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пуспынному зефиру
Ужъ навсегда покинушую лиру —
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

V.

М Ъ С Я Ц Ъ .

—

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грусныя мечпанья,
Любви напрасныя спраданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленные желанья.
Лепите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бываешь той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный ясель' проникало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей.

Что вы, восторги сладострашья,
Предъ тайной прелесью опрадь
Прямой любви, прямого счастья?
Примчашся ль радости назадъ?
Почто, минушы! вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяць! укапился
И въ небѣ свѣтломъ упонулъ?
Зачѣмъ лучъ упренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?...

VI.

Счастливы, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признается смѣлѣть,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣеть,
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи свѣпишь сладоспращной,
Кому шихонько вѣрный ключъ
Во пмѣ отворишь дверь прекрасной!
Но мнѣ, въ унылой жизни, нѣтъ
Опрады пайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнеть опъ мученій;
Печально младость улепичъ;
Услышу старости угрозы;
Но я, любовью позабышь,
Моей любви забуду ль слезы?

VII.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, прецетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ швоей устами прикоснулся —
Да! помню все: я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
Забудемся! въ мечтахъ попонешъ мука,
Уныніе, губительная скука,
Пустынника пріютъ не посѣпятъ;
Мою печаль усладой Муза воспѣшитъ:
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ?
Часы идушъ, за ними дни проходятъ,
Но гореспямъ отпруды не приводяшъ
И не несущъ забвенія фіалъ.
О милая! повсюду ты со мною,
Но я унымъ и въ тайнѣ я грущу.
Блеснешъ ли день за синнею горою,

Взойдешъ ли ночь съ осеннею луною —
Я все тебя, прелестной другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — пвой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сажу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаешъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира! приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная! грусти, грусти со мной:
Пускай пвой небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе пвое,
Пускай вздохнушь задумчивыя дѣвы.

VIII.

Д Р У З Ъ Я М Ъ .

Къ чему, веселые друзья,
Мое шревожишь вась молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ Муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Злапые дни, злая нощи,
И на любовь успремлены
Огнемъ исполненныя очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Упрайте вечеръ скоропечной;
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

IX.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Ея прелестный, шомный гласъ
Волшебной грусью вѣжишь насъ,
Какъ ночью вѣянье Зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Волшебенъ голосъ пвой унылый:
Но слово милая моей
Волшебнѣй пѣсенъ, пѣпыхъ Лилой.»



КЪ ЖУКОВСКОМУ.

—

Благослови, поэтъ! въ пиши Парнасской сѣни
Я съ шрепепомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною троной съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Спрашусь, неопытный, безславнаго парекья,
Но пылкаго смиришь не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрыпаго въ вѣкахъ священный судія *,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ, мужъ
любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый;
Привѣтливимъ меня внимаемъ ободрилъ;
И Дмишревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный спарецъ нашъ, Царей пѣвецъ из-
бранный, **
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,

* Карамзинъ.

** Державинъ.

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣщъ любви свя-
 щенной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тѣбой
 Безмолвный я споялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей лепѣла
 И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ шруд-
 ной путь;

Опважною вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертные, шпомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ шуманахъ опдаленья;
 Лечу къ безвѣспному опважною мечшой,
 И, мнился, Геній вашъ промчался надо мною!

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной шемногѣ пещерной глубины
 Вражды и зависши угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ шворцовъ зоиы записные,
 Сидящъ безсмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе стихи визжищъ Варяговъ спрой;
 Смѣхъ общій имъ ошвѣщъ надъ мрачными шол-
 пами.

Ко мнѣ два призрака сложилися главами:

Одинъ на груди съль и прозы и спиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ прудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлеть вой спопослагатель хилый;
Предъ нимъ расперзанный спенаепъ Тилимахъ,
Жельзное перо скрипипъ въ его перстахъ
И пняепъ за собой гекзамепры сухіе,
Спюндеи жеспкіе и дакшили шугіе.
Решивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, пы Мевія надушный образецъ.
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Спюипъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжеспвенной хвалы къ нему несепся шумъ,
А онъ — онъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ.
Ты ль эпо, слабое дипя чужихъ уроковъ,
Зависпливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредспвеннымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшеный и прокляпый Расиномъ?
Ему ли, карлику, пнягашья съ исполиномъ?
Ему ль оспаривапъ попъ лавровый вѣнецъ,
Въ копоромъ возблиспалъ безсперпный нашъ
пѣвецъ,
Веселье Россіанъ, полунощное диво? *
Нѣпъ! въ шихой Лепъ онъ пошонепъ молчаливо!

* Ломопосовъ.

Ужь на чель его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Спрашалась Грація цинической свирѣли
 И персты грубыя на лирѣ коспенъли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
 Явился Денрео — исчезнетъ Шапелень.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останеся смѣш-
 ное,
 Невѣжду прѣснуетъ невѣжесиво слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачной свой пріюпть.
 Тамъ прозу и стихи отважно все кууптъ,
 Тамъ все враги наукъ, все глухи, лишь не гѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатауптъ поэмы,
 Одни Славянскихъ одъ громады громоздяптъ,
 Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипяптъ;
 Топтъ, вѣрный своему мяпежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую Музу,
 Безмерпныхъ геніевъ сорваптъ съ Парнасса мниптъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользиптъ;
 Вопще бросаетъ съ зависпливымъ кинжаломъ:
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ
 журналомъ;
 При свиспахъ крипики къ собрапьямъ онъ бѣ-
 жиптъ,
 И маковый вѣнецъ Оспису имъ свиптъ.
 Все, руку положивъ на шомъ Тилимахида,
 Клянупся опомспиптъ сонрудниковъ обиды,

Волнуясь, восплаюпъ неисповой полпой.
Бѣда, кто въ свѣпъ рожденъ съ чувспвипель-
ной душой,
Кто пайно могъ плѣнитъ красавицъ нѣжной
лирой,
Кто смѣло просвиспалъ шуппливою саширой,
Кто выражается правдивымъ лзыкомъ,
И Русской глупости не хочепъ бипъ челомъ:
Онъ врагъ опечества, онъ сѣяпелъ разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супосшапа.
И вы, возспаныше же, Парнасскіе жрецы,
Природой и прудомъ воспитанны пѣвцы
Въ счаспливой ереси и вкуса и ученья,
Разипе дерзоспныхъ друзей непросвѣщенья!
Отпмспипелъ генія, другъ испины — поэпъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣпъ,
Спрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаепъ наконецъ ужаснаго Пиѳона;
Смоприпепе! пораженъ враждебными спрѣлами,
Съ попухпимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываепъ, други, местъ!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣспъ.
Лешипе на враговъ — и Фебъ и Музы съ вами!
Разипе варваровъ кровавыми спихами:
Невѣжеспво, смирясь, попупипъ хладный взоръ,
Спѣсивыхъ рипоровъ безграмопный соборъ...

Но вижу, возвѣщаясь намъ испины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
И смертный приговоръ паланпамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣшь уже ль и мой удѣлъ?
Что нужды? смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный пѣобю,
Ихъ злобы не спрашусь; мнѣ швердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ — что крикъ безумныхъ сихъ
дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ опшверженные Фсба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ опъ
неба;
Ихъ слава имъ же спыдъ, шворенья смѣхъ уму —
И въ шмѣ возникшіе низвергнушы во шму.

Г О Р А Ц І Й.

—

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ опчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шептъ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увипыя,
Сирійскимъ мврромъ умацалъ?

* *
*

Ты помнишь часъ ужасной бипвы,
Когда я, шрепешный Квиришъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щипъ,
Творя обѣшы и молишвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной шучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.

* *
*

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ биввахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ шемный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ!
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ! лей;
Теперь не ксташи воздержанье:
Какъ дикій Скиѣвъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднующа свиданье,
Въ винъ разсудокъ утопимъ.

ПИРУЮЩЕ ДРУЗЬЯ.

Друзья! досужный' часъ наспаль,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣ скаперть и бокаль!
Сюда вино златое!
Шипи шампанское въ стекль.
Друзья! почпо же съ Канпомъ
Сенека, Тацисъ на споль
Фольянпъ надъ фоліанпомъ?
Подъ споль холодныхъ мудрецовъ!
Мы полемъ, овладѣемъ!
Подъ споль ученыхъ дураковъ —
Безъ нихъ мы пипъ умѣемъ!

*

На всякій случай изберемъ
Скорѣ президента:
Въ награду пьянымъ онъ нальепъ
И пуншъ и грокъ душистой;
А вамъ, Спаршанцы! поднесепъ
Воды въ спаканъ чиспой.

Защипнигъ нѣги и прохлада,
Мой добрый Г... чь, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа швоя въ бокаль.
Главу вѣнками убери —
Будь нашимъ президенпомъ.

*

Дай руку, Д...! чпо ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный,
Ты не подъ каедрой сидишь,
Лапинью усыпленный.
Взгляни! здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бушымъ виномъ налиша —
За здравье нашей Музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокаль досуга
И вылей сонню эпиграммъ
На недруга и друга.

*

А ты, красавецъ молодой,
Сіапельной повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя спуденшъ, хопя я пьянъ
Но скромность починаю:

Придвинь же пѣниспый спаканъ —
На брань благословляю.

*

Товариць милой! другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чапѣ круговой
Педаншамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣспѣ пьемъ,
Не рѣдко и бранимся,
Но чапу дружества нальемъ
И топчась помиримся.

*

О ты! колпорый съ дѣпскихъ лѣпѣ
Однимъ весельемъ дышешь,
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тосуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебѣ душою,
Наполни кружку до краевъ,
Разсудокъ, Богъ съ шобою!

*

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хвапѣ, говорѣзь,
Пріятель задушевный!

Бупылки, рюмки разобъемъ
 За здравіе Пляпова,
 Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
 И пить давайше снова.

*

Приблѣжся, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,
 Воспой власпишеля сердцеъ
 Гитары пихимъ звономъ:
 Какъ сладосшно въ спѣсенну грудь
 Томленьє звуковъ льется;
 Но мнѣ ли спраспью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

*

Не лучше ль, Роде записной!
 Въ честь Вакховой спаницы
 Теперь скрипѣшь тебѣ струной
 Разспроенной скриници?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли? ... это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

*

Но что, я вижу все вдвоємъ:
 Двоится шпофъ съ аракомъ,

Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ.
Гдѣ вы, поварищи? гдѣ я?
 Скажете Вахха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на шепради.
Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ презвѣе:
Вильгельмъ! прочти свои списки —
 Чтобъ мнѣ уснушь скорѣе.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

—

Довольно бившы мчался громъ,
Тупился мечь окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ всею землей.

* * *

Свершилось . . . подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

* * *

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла надшаго главу
Благословеннаго порфира!

* * *

Повлекся, мглою окружень,
Припекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужь воздвигалъ свой шапкой пронь,
И палъ, ошпорженъ опть вселенной.

* *
*

Упихло все! не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный!
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

* *
*

Хвала, о юноша - герой!
Съ героемъ дивнымъ Албіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мшилъ за лилии Бурбона.

* *
*

Предъ нимъ мяшежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щипы кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блиспанье славы!

* *
*

Его пекла молодая кровь,
На немъ сіяетъ язва чеспи.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Доспойный былъ онъ воинъ меспи!

У С Ы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудрявій,
 Гусарь, съ улыбкой величавой
 На палець завипки мошалъ;
 Мудрецъ съ обришой бороною,
 Качая шихо головою,
 Со вздохомъ усачу сказалъ:

* * *
 *

Гусарь! все пыѣнно подъ луною:
 Какъ волны слѣдомъ за волною,
 Проходяпъ царства и вѣка.
 Скажи, гдѣ спѣны Вавилона?
 Гдѣ драмы шоція Клеона?
 Умчала все временъ рѣка.

* *
 *

За уши усъ пвой закрученный,
 Виномъ и ромомъ окропленный,

Гордился юной красою,
 Не знаешь бришвы, выписною
 Онъ вѣчно лоснился сурмою,
 Расправленъ гребнемъ и рукой.

* *
 *

Чтобы не смять уса лихаго,
 Ты къ ночи одою Хвостова
 Его пихонько обвернешь,
 Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
 И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
 И упромъ вновь его завьешь.

* *
 *

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
 Въ кругу гусаровъ поѣдѣлыхъ
 И черноусыхъ удалцовъ,
 Веселый гость, любовникъ пылкій,
 За чье здоровье бьешь бутылки?
 Коня, красавиць и усовъ!

* *
 *

Сраженья спрашный часъ наспанеть,
 Въ ряды ядро со прескомъ грянешь,
 А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
 Разсудка, памяти не спрашишь,
 Сперва кудрявый усъ ухватишь,
 А саблю вѣрную попомъ.

* *
 *

Окованный волшебной силой,
Наединъ съ красопкой милой
Ты маешься одной рукой,
Въ воспоргахъ нѣги сладостраспной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крупнѣе другой.

* *
*

Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоропечно:
Лепяпъ губипельны часы!
Румяны щеки пожелпѣюпъ,
И черны кудри посѣдѣюпъ,
И спароспъ выщиплешъ усы.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида! другъ мой неизмѣнный,
Почему сквозь легкій сонъ
Часто нѣгой упомянутый
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, бояливый
Успремляешь въ тьмону?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои —
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей?
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга

Изъ могилы вызываешь?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлешь вѣчный сонъ,
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби сонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость упра, шумъ паровъ,
Ошкровенной дружбы слезы
И любовницъ робкой зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И, блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Спишь увѣнчанный счастливцемъ!
Вѣрь любви — невинны мы —
Нѣтъ! разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И зависливая пѣнь
Близъ любовника не спанетъ,
Вызывая спящій день!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою

Извивы шемные двухолмной высопы,
Кто въ жизни въ тайный путь съ невинною душою

Пуспился плѣнникомъ мечты!

Наперснику боговъ безвѣспны бури злыя,
Надъ нимъ ихъ промысль! безмолвною порой
Его баюкають Камены молодыя
И съ перспомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаешь онъ совѣпы
И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
Воспорженный поетъ на лирѣ золотой:
О Дельвигъ! счастливы поэпы.

* *
*

Мой другъ, и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.

Въ младенчеспѣвѣ моемъ я чувспвовапъ умѣлъ;
 Все жизнью вкругъ меня дышало,
 Все рѣзвой умъ обворожало
 И первую черпу я быспро пролспѣлъ.
 Съ какою пихою красою
 Минупы дѣспсва пропекли;
 Хвала, о боги, вамъ! Вы мощною рукою
 Опъ ярыхъ грозъ мѣрскихъ невинность опвели.
 Но все прошло — и скрылись въ пем-
 ну даль
 Свобода, радоспъ, восхищенье!
 Другимъ и юность наслажденье:
 Она мнѣ — мрачная печаль!
 Такъ рано встрѣспилъ я и зракъ кровавой
 И низкой клеветы сокрыспый ядъ!
 Нѣспъ, нѣспъ! ни счаспіемъ, ни славой
 Не буду ослѣпленъ. Пускай они маняпъ
 На край погисли любимцевъ оболщленныхъ.
 Исчезъ священный жаръ!
 Забвенью сладкихъ пѣспей даръ
 И голосъ спрунъ одушевспенныхъ!
 Во прахъ и лиру и вѣнецъ!
 Пускай не будупъ знать, чпо нѣкогда
 пѣвецъ
 Враждою, зависпью на жертву обре-
 ченный,
 Погибъ на упрѣ лѣспъ,

Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный.

И пихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Попомство грозное не вспомнить обо мнѣ —
И гробъ несчастнаго, въ пустынь мрачной, ди-
кой,
Забвенья пороспешъ ползущей павиликой!

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

—

Послушай, Музь невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ!
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главою поникъ
Предъ милою мечпою.
Мой дядюшка - поэтъ
На шо мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосвапалъ!
Сначала я шалилъ,
Шупя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ —
И вопъ теперъ я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому,
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажешъ бѣлый свѣтъ?)

Спихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
Смотрите: вошь поэтъ!...
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника попомъ
Вѣдъ спанушь, въ посмѣянье,
Указываешь перстомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослышь Прадономъ
Ошвынѣ суждено.
Увы мнѣ, мепроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды заспану:
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлюють
И плодъ уединенья
Тисненью предають —
Бумагу убивають.
Поэша окружають
Съ улыбкой оспряки.
« Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
« Вы пишете спишки?
« Увидѣшь ихъ нельзя ли?
« Вы въ нихъ изображали,

« Конечно, ручейки,
« Иль пихій въперочекъ
« И роци и цвѣтки . . . »
О Дельвигъ! начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножишь захощѣль?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хопь годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А шамъ хопь нѣпъ охопы,
Но придуть ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ споронъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражатся,
Съ газетой торговатся,
Съ Графовымъ восхицатся . . .
Помилуй, Аполлонъ!

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

—

Хочу я завтра умереть,
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой пѣнью полетѣть.
Прости на-вѣкъ очарованье,
Опрада жизни и любви!
Приблизьтесъ, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И шакъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, успрол длинный ходъ,
Неспи наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эроша, друга нашихъ лиръ,

*

Боговъ и смертныхъ власпелна.
Пускай Веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремяшкой,
И насъ опть - сердца раземъшитъ
За полной, пѣниспою кружкой;
Пускай игривою полною
Слетяшъ родныя наши Музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья! священны намъ ихъ узы.
До ранней упренной звѣзды,
До пихаго лучей разсвѣта,
Не выйдуть изъ руки поэта
Фіалы брапской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ воспорженной груди;
Въ послѣдній разъ, помимый нѣжно,
Не вспомню вѣчноспь и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь опрадой юныхъ дней!
Когда жъ воспокъ озолопится
Во шмъ денницей молодой,
И бѣлой тополь озарится,
Покрытый упренной росой —
Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учипелемъ моимъ,
И я сойду пушемъ однимъ

На грустный берегъ Ахерона...
Проспите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на-вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру.
Да будутъ Музы надъ пробой:
Ты не забудешь дружбы нашей
О П..., въпренный мудрецъ!
Прими съ моею глубокою чашей
Увядшій мирповый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будутъ разносить.
Спекишесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;

И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
« Здѣсь дремлетъ юноша - мудрецъ,
« Пипомецъ Нѣгъ и Аполлона. »

НАЪЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ невѣрной темнотѣ шумана,
Безмолвно два спояли спана
На помраченныхъ высопахъ.
Все спитъ, лишь волнѣ мясезный ропотъ
Разносится въ пищи ночной,
Да слышится издали глухой
Булаша звонъ и конскій поноптъ!
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ тѣдѣтъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой прясутъ неперпѣливой.
Ужъ полемъ войны лепятъ,
Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ

И съ гордой шепчущся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылающъ гнѣвны очи;
Лишь ты, воинспвенный поэтъ,
Уныль, какъ сумракъ полуночи,
И блѣдень, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ пѣсенной горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.

« Пѣвецъ угрюмый! что съ побою?
« Одинъ предъ боемъ ты уныль,
« Повикъ безспрашною главою,
« Бразды и саблю опуспилъ.
« Уже ль, невольникъ празднои нѣги,
« Оспрадный сонъ пивоихъ полей,
« Чѣмъ наши бурные набѣги
« И ночью бранный спукъ мечей?
« Спезя войны пускай опасна,
« Завиденъ гордый напитокъ удѣлъ.
« Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
« Но ты средъ боевъ не блѣднѣлъ:
« Тебя мы зрѣли подъ мечами
« Съ спокойнымъ дерзоспнымъ челомъ,
« Всегда межъ первыми рядами,
« Все шамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
« Съ побѣднымъ съединаясь кликомъ,

« Твой голосъ наши бышвы пѣлъ,
 « А нынѣ шы, въ уныньи дикомъ,
 « Какъ робкій рапшикъ онѣмѣлъ. »
 Но медленно пѣвецъ печальный
 Главу и взоры приподнялъ,
 Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
 И вздохомъ грудь поколебалъ.

* * *

« Глубокій сонъ въ долинь бранной;
 « Одни мы мчимся въ шмѣ ночной;
 « Гоповъ, гоповъ ударъ желанный,
 « Предчувствую послѣдній бой.
 « Зовепъ меня конецъ желанный,
 « Мы грозно ринемся въ огонь;
 « Ударипъ часъ — и одинокой
 « Въ долину выбѣжипъ мой конь! ...

* * *

« О вы! копорые коспями
 « Сей ночью ляжете со мной,
 « Скажише: милая слезами
 « Вашъ усладипъ ли сонъ нѣмой?
 « Но я... напрасно сердце дышешъ,
 « Наспанешъ хладъ и пишина,
 « Эльвина скоро вѣсть услышипъ:
 « Онъ палъ! — и не вздохнешъ она.

* * *

« А вы, хранимые судьбами
« Для психихъ жизненныхъ опрадь,
« Счастливицы!... милья слезами
« Благословится вашъ возвратъ.
« За чашей сладкаго спасенья,
« О брагья! вспомните пѣвца,
« Его любовь, его мученья
« И славу грознаго конца... »
Умолкъ, и мшился въ бой кровавый;
Уже не возвратился онъ:
..... На полтъ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И упромъ юнаго поэта
Навздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.

ФІАЛЬ АНАКРЕОНА.

—

Когда на поклоненѣ
Ходилъ я въ дальній Павосъ,
Шовърше мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіаль Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣтлѣющею влагой;
Кругомъ висѣли розы,
Холодный плющъ и мирры,
Сплешенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краюшкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
На пѣнистую влагу.
Что смотришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?
Спросилъ я Купидона,

Скажи, что такъ усихнулъ?
Иль хочется зачерпнуть
Тебѣ злашаго соку,
Да ручка не доспанетъ? »
— Нѣтъ! опивчалъ малюшка:
« Рвзвась, я въ это море
« Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
« Всѣ бросилъ ненарочно —
« А плавань не умѣю.
« Вонъ, вонъ! на днѣ блискають.
« Ахъ! жалко мнѣ, послушай:
« Доспань мнѣ ихъ опшуда.
— О нѣтъ! сказалъ я богу:
Спасибо, что упали;
Пускай шамъ остаються:
Тѣмъ лучше для меня!

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сѣньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо попухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ шуманѣ пуспынномъ клубится рѣка,
Лѣнливой грядою идущь облака,
Межъ ними луна золотая.

* *
*

Чугунныя лапы на холмѣ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчашкѣ булатъ.
И щипъ подѣ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ,
Лежатъ неподвижно — и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блиспаньи кровавомъ.

* *
*

Вкругъ холма обходишь другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонишь.

Безпечнымъ копышомъ бьешь камень долинь,
И смотришь на лапы конь вѣрный одинъ,
И дико препенещь и спонещь.

* *
*

Во тмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотришь, и сходитъ и звонкую спаль
Толкаетъ успалой ногою.

* *
*

Хладѣешь пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости спучатъ,
По камнямъ шоломъ покапился,
Скрывался въ немъ черепъ... при звукѣ глухомъ
Заржалъ конь репивый; скокъ лёпомъ на холмъ,
Взглянулъ — и главою склонился!

* *
*

Ужъ пушникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной,
Все мнился, что кости хрусятъ подъ ногой,
Но утро денница выводитъ.
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И лапы недвижны, и шлемъ не спучитъ,
И конь вокругъ погибшаго ходитъ.

ЭПИГРАММА.

—
« Скажи, что новаго? — Ни слова. —
« Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто? »
— О братецъ! опвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

—

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣспъ, за что философы, пѣишы
На *твой* и *мой* давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но и бранить причины не имѣю
То, что даритъ мнѣ радость и покой.
Что, ежели бъ ты не была *моего*?
Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, *твой*?

Э П И Т А Ф І Я.

—

Покойникъ Клишъ въ раю не будешъ:
Творилъ онъ пляжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудешъ,
Какъ свѣшъ забылъ его списихи.

—————

ЭКСПРОМТЪ НА А.

—

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на себя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоришь воображенье.

—————

КЪ ПОРТРЕТУ К*.**

—

Въ немъ пунна и войны кипитъ всегдашній
жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ во-
ишель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучи-
тель,
И всюду онъ гусарь.

—————

КЪ ПИСЬМУ.

—

Въ немъ радости мои; когда померкву я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Бышь можешь, мѣлые друзья,
Бышь можешь, сердце вновь забьется.

—————

Д Я Д Ъ,**НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМЪ.**

—

Я не совсѣмъ еще разсудокъ поперялъ,
Ошъ рифмъ вакхическихъ шапаясь на Пегасъ —
Я не забылъ себя: хопъ радъ, хопя не радъ,
Нѣшъ, нѣшъ! вы мнѣ совсѣмъ не брашъ —
Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ!

—————

ЖЕЛАНІЕ.

—

Медлишельно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множишь
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе превожидъ.
Но я молчу; неслышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы упѣшенье.
Моя душа, обьяпая поской,
Въ нихъ горькое находить наслажденье.
О жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ пѣмъ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

—————

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Подонъ давно.
Пѣною парной
Блещеть вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Бранной забавы
Любить нельзя;
Эпо веселье
Не веселить!
Дружбы похмелье
Грома бѣжить.

Жишели неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейше пѣвцы!
Рѣзвой Климены
Ласки — бѣда!
Тогъ Иппокрены —
Други, вода! —

Пейше за радость
Юной любви.
Скроешся младость,
Дѣши мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я — благодарный —
Пью — за вино!

1816.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ФАВНЪ и ПАСТУШКА.

—

I.

Съ пѣнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею
Красавица цвѣтеть,
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди пререшанье,
И розы нѣжный цвѣтъ —
Всё юношѣ измѣняетъ.
Ужь Лилу не пѣвнелетъ
Веселый хороводъ:
Одна, у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она пашелся,
Вздыхаетъ и томился;
И съ нею пашетъ Эрощь.
Когда же, ночью темной,

Ее въ поспелѣ скромной
Заспанеть тихій сонъ
Съ волшебницей-мечпою,
И тихою тоскою
Исполнить сердце оны —
И Лила, въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о Филонъ!

III.

Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И въпры припались,
Гдѣ царствуетъ любовь...
Но кто памъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежишь?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадою оны глядишь;
Нагнулась межъ цвѣтами
Космашая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога;
То Фавнъ, угрюмый жипель
Лѣсовъ и горъ крупныхъ,
Докучливый гонипель
Паспушекъ молодыхъ.
Прекраснаго Филона

Давно соперникъ онъ...
Въ приюптѣ сладоспразднья
Онъ елышипъ вздохи счаснья
И нѣги томный спонъ.
Въ безмолвіи несчастной
Сспраданья чашу пьеть,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льеть.
Но вопъ ночей царица
Скапилась за лѣса,
И пихая денница
Румянипъ небеса;
Зефирьы прошепшали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжипъ сокрыпъ печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV.

Одна поушпру Лила
Нешвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
« О, скоро ль, мракъ ночной
« Съ прекрасною луной
« Ты небомъ овладѣешь?
« О, скоро ль, темный лѣсъ,
« Въ шуманахъ засинѣешь

« На западъ небесь? »
Но шорохъ за кустами
Ей слышишся глухой,
И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вѣшній вѣперочикъ,
Лепишь она въ лѣсочикъ; —
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лида
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣшерка,
И стройная нога
Неволью обнажилась.
Порхая надъ правой,
Паспушка робко дышишь,
И Фавна за собой
Всѣ ближе, ближе слышишь.
Ужъ чувствуешь она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ спаранья!
Ты Фавну суждена;
Но шумная волна
Красавицу сокрыла;
Рѣка — ея могила.
Нѣтъ! — Лида спасена.

V.

Эропы злашюкрылы
И нвжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Лешяпъ со всѣхъ споронъ;
Всѣ бросили Циперу
И мирныхъ селъ Венеру,
По препепнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ шамъ...
Спокойно дремлешъ Лиля,
На розахъ нѣпъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тмюю
Бродилъ у береговъ:
Просни, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ;
Въ печали прашишь младость
Я рокомъ осудеть!
Вдругъ изъ лѣсу румяный

Шатаясь передъ нимъ,
Сапиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ смупными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва пересупалъ;
Шелъ, шелъ, и напоялся
На Фавна моего —
Со смѣхомъ опшашнулся,
Склонился на него . . .
«Ты ль это, брагъ любезной?
Вскричалъ Сапиръ съдой:
Въ какой спрантъ безвѣспной
Я встрѣтился съ побой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло,
Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви. —
«Что слышу? опъ Амура
Ты спраждешъ и груспинь,
Малюшку-бѣдокура
И ты богопворишь!
Возможно ль? Такъ забвенъ
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенъ
Наполни черезъ край!

И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VIII.

О Лида! вянутъ розы
Минушныя любви:
Познай же грусть и слезы —
И нынѣ шерны рви.
Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ лепишь,
И спаросишь въ отдаленнѣ
Красавицѣ грозитишь.
Амуръ уже съ поклономъ
Разспался съ красошой,
И въ слѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу паспушка бродитишь
Печальна и одна:
Кого же шамъ находишь?
Вдругъ Фавна зришь она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣниспый фіаль,
Въякомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ. —

Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красопка
Любви раскинуть сѣтъ:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И слышала я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фѣялъ,
Качая головою —
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ! Лила; я въ покоѣ —
Другихъ, мой другъ, лови,
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся —
Бывало, восхищала
Коварной красотой,
И сердце, плѣня епраетью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало... но, не счастливо,
Что было — то прошло.

1818.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харитъ, воображенья!
Въ порывъ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности небесной,
Надежды робкія черпы,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры юной красоты;

Вкругъ понкаго Гебси стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинъ на шрепешную грудь,
Чшобъ и подъ нимъ она дышала,
Хопъла пайно бы вдохнуть;

Представъ мечту любви спыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

С О Н Ъ.

(Отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: *Вадимъ.*)

—

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
Остывъ и пепель. Водъ пучина
Бѣлѣеть: близокъ упра часъ,
И сходитъ сонъ на Славянина.
Видалъ онъ дальнія спраны,
По сушѣ, по морямъ носился,
Во дни былые, дни войны,
На Западъ, на Югъ бился —
Дѣля добычу и пруды
Съ суровымъ племенемъ Одепа,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали какъ морская пѣна —
Въ часъ бури — къ горнымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ вдохновенныхъ —
Въ жнищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ:

Но сладкій сонъ не переносишь
Теперь героевъ въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косишь!
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Каріоландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Правдивыхъ съчъ и славы дальной.
Ему не снился шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія бишвы,
И пламя яркое пировъ,
И трубный звукъ и лай ловишвы.
Другія грезы и мечпы
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина,
Онъ узнаетъ ея щипы;
Онъ снова проспираетъ руки
Къ поварицамъ минувшихъ лѣтъ,
Забывшимъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ міръ нѣтъ.
Онъ видитъ Новгородъ-великій,
Знакомый перемъ съ давнихъ поръ;
По тынъ обросъ крапивою дикою,
Обвиты окна павиликой,
Въ правъ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:

*

Все мертво . . . нѣтъ гостей веселыхъ,
Заспальны чаши не гремятъ;
И вопъ веселая свѣплица —
Въ немъ сердце бьется: здѣсь или нѣтъ —
Любовь очей, душа - дѣвица?
Цвѣпепъ ли здѣсь — мой милый цвѣпъ?
Найду ль ее? . . . И съ эпимъ словомъ
Онъ входипъ . . . Чшо же? спрапный видъ!
Въ постель хладной, подъ покровомъ —
Дѣвица мертвая лежипъ! . . .
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядипъ — и слабый спонъ
Сквозь ппжкпй сонъ его раздался.
Она, она! — ея черпы!
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ.
Кто могъ? . . . и слышипъ голосъ: пы!

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ *.

.....

Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣшяпъ небеса,
Ладья крымашая пусшилась —
Расправишь счастье паруса.
Дай Богъ, чшобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужась не видалъ,
Чшобъ бурный вихоръ не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!

.....

Когда жъ уйду на новоселье
(Заснушь въдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: « Дай Богъ ему веселье,
Онъ въ жизни хопъ любилъ умѣлъ. »

* Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ.

КЪ МОРФЕЮ.

—

Морфей! до утра дай опраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечпы благослови!
Сокрой опъ памяши унымой
Разлуки спрашной приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчишся ночи мгла
И пы мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забышь любовь до новой ночи!

—————

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечпою.
Ты вспомни быспрыя минупы первыхъ дней,
Неволю мирную, шесць лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечпы души швоей,
Размолвки дружеспва и сладоспъ примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ шихими поски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзь-
ями
Не рѣзвою мечпой союзъ швой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
бами,
О милый, вѣченъ онъ!

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ пвоей
Даруешь по же утѣшенье!
Да озаритъ онъ започенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней!

Это стихотвореніе хотя не принадлежитъ къ Лицейскимъ, но помѣщается вслѣдъ за предъидущимъ потому, что оно писано къ тому же лицу.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛИЧЕВСКОМУ.

—

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть Христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ:
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной —
И пѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнуть смертію забавной —
И насъ не пронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ! вѣдаешь мой добрый Геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моея
Безсмертіе своихъ швореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья —
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ швоихъ рукахъ
На скромныхъ дружества листкахъ
Уйдетъ опъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,

Твоею дружбой оживленной;
Мои стихи пускай умрутъ;
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживушь.

СНОВИДѢНІЕ.

—

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣнь-
емъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ себя —
И сердце билось наслажденьемъ.
Я спрасъ у ногъ пвоихъ въ воспоргахъ изъ-
яснялъ.
Мечпы! ахъ! опъ чего вы счастья не продлили?
Но боги не всего пеперь меня лишили:
Я только царешво поперялъ.

—

О Н А.

—

«Печалень ты, признайся; что съ тобою?»

— Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя
пльвилъ?»

— О нѣтъ — «Кому жъ ты жерпвуешь душой?»

— Она. — «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»

— Ахъ! ей! — «Ты скромень другъ сердечный!

Но почему жъ ты столько огорченъ?

И кто виной? Супругъ, отецъ конечно...»

Не то, мой другъ! — «Но что жъ?» — Я ей
не онъ! —

—————

КЪ ТОВАРИЩАМЪ

ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы започенья:
Не долго, милые друзья,
Намъ видѣшь кровь уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зовепъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смопритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спряпавъ умъ,
Уже въ воинспвенномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ Крещенской упренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣшься ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный бытъ вельможей,
Не чепъ, а почеспи любя,
У плуша знашнаго въ прихожей

Покорнымъ плутомъ зрѣть себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливей нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неоспорожной
Въ июль распахнуть жилетъ.

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирипелю,
Слабыхъ хранипелю,
Всѣхъ упѣшипелю

Все ниспошли.

Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Свѣтлою надежною,
Благосвѣтлою нѣжною
Насъ освѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ

Вѣрная длань:

Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца спремленія —
Вопль наша дань!

КЪ Г . . . У.

Пускай угрюмый рифмопворъ,
Повиный макомъ и крапивою,
Холодныхъ одъ шворецъ репивою,
На скучной ладъ сплешая вздоръ,
Зовепъ объдашь генерала;
О Г—ь, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ упреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
Въ приюпъ поэзіи счастливой,
Подъ опдаленный нѣги кровъ.
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бушмыокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы швоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Оспропъ и хохота гостей.
Въ тебѣ прудисься нѣпъ охопы;
Садись на пройку злыхъ коней,
Оспавъ Петрополь и забопы,
Лепи въ счастливой городокъ,

Зайди къ Жиду Э...ёву,
Въ его веѣмъ общій уголокъ;
Мы памѣ, собравшись въ кружокъ,
Прольемъ вина спрую багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запрешъ веселье молодое.
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей спѣсненными рядами,
Сверкая свѣплыми ножами,
Съ побою храбро осадимъ,
И мигомъ спѣны разгромимъ;
Когда жъ, виномъ ошягощеннѣй,
Съ главой въ колѣни преклоненнѣй,
Захочешъ въ мирѣ опдохнуть,
И вдругъ, спускаая въ подушку,
Дабы покойнѣе заснуть,
Уронишь налишую кружку
На старой, бархапной диванѣ:
Тогда посланія, куплепы,
Балады, басенки, сонешы
Покинутъ скромной нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будешъ!...
Но рюмокъ звонъ шебя разбудишь,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смяпую подушку,
Подынешъ милую подружку —
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Г—ь, время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровь пріятной,
Татарской сброшу свой халапъ —
Простите, дѣвственныя Музы!
Прости, пріюпъ младыхъ опрадъ!
Надѣну узкія рейпузы,
Завью въ колечки гордый усь,
Заблещетъ пара эполеповъ,
И я — пипомецъ важныхъ Музъ —
Въ числѣ воюющихъ корнеповъ!
О Г—ь, Г—ь! поспѣшай!
Тебя зовупъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край! —

МЕЧТАТЕЛЬ.

—

По небу крадется луна,
На холмѣ шма съдвѣшь,
На воды пала тишина,
Съ долины въперъ вбѣшь;
Молчишь пѣвица вешнихъ дней
Въ пущынѣ темной роши,
Спада почилъ средь полей
И тихъ помель полнощи.

* *
*

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснешъ огонѣкъ
И свѣчка нагорѣла;
Споишь боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пеналомъ.

* *
*

Главою на руку склонень,
 Въ забвеніи глубокомъ,
 Я въ сладки думы погружень
 На ложѣ одинокомъ;
 Съ волшебной ночи темнопой,
 При мѣсячномъ сіяньи,
 Слепають рѣзвою полпой
 Крылапыя мечпанья.

* *
 *

И тихой, тихой льепся гласъ;
 Дрожащъ зланыя струны.
 Въ глухой, безмолвной мрака часъ
 Поетъ мечпашель юный;
 Исполненъ шайною шоской,
 Мечпаньемъ вдохновенной,
 Летаешъ рѣзвою рукой
 На лирѣ оживленной.

* *
 *

Блаженъ, кто въ низкой свой шалашъ
 Въ мольбахъ не проситъ счастья!
 Ему Зевесъ надежный спражъ
 Опъ грознаго ненастья;
 На макахъ лѣни, въ тихой часъ,
 Онъ сладко засыпаешъ,
 И бранныхъ шрубъ ужасной гласъ
 Его не пробуждаешъ.

* *
 *

Пускай, ударя въ звучной щипъ
 И съ видомъ дерзновеннымъ,
 Мнѣ слава издали грозипъ
 Перспомъ окровавленнымъ,
 И бранны вьюпса знамена,
 И пышетъ бой кровавой —
 Прелестна сердцу пишина;
 Нейду, нейду за славой.

* *
*

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
 И дни веду смиренно;
 Дана мнѣ лира опъ боговъ,
 Поэту даръ безцѣнной;
 И Муза вѣрная со мной:
 Хвала тебѣ, богиня!
 Тобою красенъ домикъ мой
 И дикая пустыня.

* *
*

На слабомъ упрѣ дней запахъ
 Пѣвца пы осѣнила,
 Вънкомъ изъ миршовъ молодыхъ
 Чело его покрыла,
 И горнымъ свѣпомъ озарясь,
 Влепала въ скромну келью,
 И чухъ дышала, преклонясь
 Надъ дѣпской колыбелью.

* *
*

О, будь мнѣ спутницей молодой
До самыхъ вращъ могилы!
Летай съ мечпаньемъ надо мной,
Расправля легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу дажь
Кажите за туманомъ!

* *
*

И пихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
« Пора въ жилище пѣней!... »
Такъ въ зимній вечеръ сладкой сонъ
Приходишь къ мирной стѣни,
Вънчаннй макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

КЪ П. . . У.

(4 мал).

Любезный имянинникъ,
О П — нѣ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суепися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ эпикеша,
Не требуетъ привѣща
Лукавой суеписы;
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простины!
Устрой гостямъ пирушку;
На столикъ воцаной
Поспавъ пивную кружку
И кубокъ пуншевой.

Спаринный собушылникъ!
Забудемся на-часть.
Пускай ума свѣшпильникъ
Погаснепъ нынѣ въ насъ,
Пускай спарикъ крымапый
Лепишъ на почповыхъ!
Намъ дорогъ мигъ ушрапы
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счаспивъ, другъ сердечный:
Въ спокойспвин знапомъ
Течешъ пвой вѣкъ безпечный,
Проходишъ день за днѣмъ,
И ты, въ бесѣдѣ Грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешъ какъ жилъ Горацій,
Хопя и не цоэпъ.
Подъ кровомъ небогашымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппокраномъ,
Съ нахмуреннымъ жрецомъ;
Не видишъ у порогу
Толпящихся забопъ;
Пашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эропъ;
Ты любишъ звонъ спакановъ
И трубки дымъ густой,

И демонъ Мешпроманоуъ
Не властвуешъ побой.
Ты счастливъ въ эпой долъ —
Скажи, чего же болъ
Мнѣ другу пожелаешь?
Придепся замолчашъ. . .

Дай Богъ, чшобъ я, съ друзьями
Вспрѣчая сошый май,
Покрытыйъ съдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
« Вошь кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрной нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При спукъ полныхъ чашъ!»

Г О Р О Д О К Ъ .

(Къ * * *).

—

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухъ-лѣпнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было не-досугъ.
На шройкъ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великой градъ Песра,
Опть упра до упра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопошахъ,
Зѣвая, веселился
Въ теашрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,

Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь;
Ужъ вышолкалъ за дверь
Забобы и печали,
Копорья играли —
Спыжусь — споль долго мной;
И въ пишинѣ свяпой
Философомъ лѣнливимъ,
Опъ шума въ далекъ,
Живу я въ городѣ
Безвѣспноспью счаспливомъ.
Я нанялъ свѣшлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнапки проспья —
Въ нихъ злапа, бронзы нѣшь,
И шкани выписныя
Не кроюшь ихъ паркешъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы преспарѣлы
Съ черемухой цвѣшупъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды шемны
Прохладу сѣнь даюшь;
Гдѣ ландышъ бѣмосяѣжной
Спмелся съ фіалкой нѣжшой,
И быспрый руческъ,

Въ спруяхъ неся цвѣпокъ,
 Невидимый для взора,
 Лепечешь у забора.
 Здѣсь добрый твой поэтъ
 Живешь благополучно;
 Не ходишь въ модный свѣтъ;
 На улицѣ карешь
 Не слышенъ спугъ докучной;
 Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
 Лишь изрѣдка пелега
 Скрипишь по мостовой,
 Иль пупникъ, въ домикъ мой
 Пришедъ искашь ночлега,
 Дорожною клякой
 Въ калитку поступишь...

Блаженъ, кто веселился
 Въ покоѣ, безъ заботъ,
 Съ кѣмъ впайнѣ Фебъ дружился
 И маленькой Эропъ;
 Блаженъ, кто на проспорѣ
 Въ укромномъ уголкѣ,
 Не думаешь о горѣ,
 Гуляешь въ колпакѣ,
 Пьешь, ѣшь, когда захочешь,
 О гостѣ не хлопчешь!
 Никто, никто ему
 Лѣнишься одному

Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочешъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочешъ — сладко спишь,
На Рифмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милой другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безспыдныхъ слугъ
На-вѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлой свѣпъ
Съ воспоргомъ забываю.
Друзья мнѣ — мершвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою шафшою,
Со мной они живушъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шумливы,
Въ порядкѣ спали шупъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэпахъ первый,
Ты здѣсь! съдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,

Издѣшства спалъ пиптъ;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣ помиптъ;
 Соперникъ Эврипида,
 Эрашы нѣжной другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ —
 Скажу ль? ... опецъ Кандида —
 Онъ все; вездѣ великъ
 Единспвенной спарикъ!
 На полкѣ за Вольперомъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣсптъ предспояптъ.
 Въ часъ упренній досуга
 Я часпо другъ опъ друга
 Люблю ихъ опрываптъ.
 Пипомцы юныхъ Грацій —
 Съ Державинымъ попомъ
 Чувспвипельный Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезной,
 Поэзіей прелеспной
 Сердца привлекній въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣнпшай безпечный,
 Мудрецъ прспосердечный,
 Ванюша Лафонпень!
 Ты здѣсь — и Дмиспревъ нѣжный,
 Твой вымыселъ любя,

Нашель приюсть надежный
Съ Крыловымъ близъ шебя.
Но вошь наперсникъ милой
Психей златокрылой!
О добрый Лафоншенъ,
Съ побой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь пы дивиться,
Дивись: пы побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходящъ
И сонъ ошъ глазъ опводящъ
Подъ зимній всчерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ - испоиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмуясь важно,
Ихъ грозный Ариспархъ
Являеся опважно
Въ шестнадцати помахъ,
Хоть спрашно спихопкачу
Лагарпа видьшь вкусь,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нѣжной полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащія въ пыли,
Визгова сочиненья,
Глугона псалмопѣнья,
Извѣспныя пворенья,
Увы! однимъ мышамъ.
Миръ вѣчной и забвенья
И прозѣ и спихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряхалъ пощаенну
Сафьянную шепрадь.
Сей свипокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбреженный,
Опъ члена Русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдапа
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣннн. . . .
Не трудно отгадашь;
Такъ, это сочиненьи,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнаскихъ узъ!
О князь, наперсникъ Музъ,

Люблю пвои забавы;
 Люблю пвой колкій спихъ
 Въ посланіяхъ пвоихъ;
 Въ сапиръ — знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвостп куплеша
 Игриву оспроту —
 И пы,

 ;
 Какъ, въ юношески лѣпы,
 Въ волнахъ шуманной Лешы
 Ихъ гуршомъ попопилъ;
 И пы, замысловапый
 Буянова пѣвецъ,
 Въ картинахъ споль боганый
 И вкуса образецъ;
 И пы, шупникъ безцѣнный,
 Который Мельпомены
 Копурны и кинжалъ
 Игривой Талы далъ!
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
 Чья кисть scomпанируетъ
 Такой оригиналъ!
 Тупъ вижу я съ Чернавкой
 Подщипа слезы лѣпъ.

Но назову ль дѣшину,
Что доброю порой
Тетради половицу
Наполнилъ лишь собой!
О пы, высоко Пегасса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранство чердаковъ,
Гласящъ изъ роды въ роды:
Великъ, великъ — Свистовъ!
Твой даръ цѣнишь умью,
Хоть право незнаюкъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ пы, въ помъ клясъя радъ,
Не спану я писать.

О вы, въ моей пуспынѣ
Любимые творцы!
Займите же опнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,

То мыслями своими
Въ Элизій пренесень.
Когда же на закапъ
Послѣдній лучъ зари
Попонешъ въ яркомъ златъ,
И свѣтлыя цари
Смеркающейся ноци
Плывупъ по небесамъ,
И тихо дремлюшъ роци
И шорохъ по лѣсамъ;
Мой геній невидимкой
Летаепъ надо мной;
И я въ пиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ паспущьею волынкой.
Ахъ! счастливъ, счастливъ потъ,
Клю лиру въ даръ опъ Феба
Во цвѣпъ двей возьмѣпъ!
Какъ смѣлый жителъ неба,
Онъ къ солнцу воспарипъ,
Превыше смертныхъ спанешъ,
И слава громко грянешъ:
«Безсмертенъ вѣкъ піипъ!»

Но ею мнѣ ль гордипся,
Но мнѣ ль безсмерпьемъ льспипся?...
До слезъ я спорипъ радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ,

*

Какъ знашь, и мнѣ, бышь можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безпрепятнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ пылью:
Съ мой, бышь можетъ, пылью
Полунощной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовавъ придетъ
И, мною вдохновенный,
На лиръ воздохнетъ.

Покажешь, другъ безцѣнный,
Камнемъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сеспрой,
Любовію молодой,
Напрасно пламенью?
Иль юности злапой
Вопще даны мнѣ розы,

И липь на-вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ разцвѣлъ,
Мой гореспной удѣлъ? . . .
Пѣвца сопупникъ милой,
Мечпанье легкокрыло!
О! будь же ты со мной,
Дай руку сладостраспью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивой макъ
Покроепъ помны очи,
На выпрєныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ шѣсной,
Тихонько поспучись,
И въ пишинѣ прелеспной
Съ любимцемъ обвинись!
Мечпа! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣспъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блєскъ очей небеспной,
Лющихъ огнь въ сердца,
И Грацій спанъ прелеспной,
И снѣгъ ся лица;
Предспавъ, что на колѣняхъ

Покоясь у меня,
Въ порывиспыхъ помленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью спраспной,
Успами на успахъ,
Горипъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто спрѣмой незримой
Уже лепишь ты въ даль?
Обманеешь — и пропаешь
Бѣглець невозвратимой!
Не слышишь плачь и спонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнешъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть - мучитель.
Но все ли, милой другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти помный духъ
Находишь наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродишь одинъ съ тоскою,
Вспрѣчаешь вечерню шѣнь
Надъ шихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смопрѣшь;
Люблю съ моимъ Марономъ
Подъ яснымъ небосклономъ

Близъ озера сидѣшь,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оспавя злакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнѣ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Пливешъ во златѣ волнѣ;
Или, для развлеченья,
Оспавя книгъ ученье,
Въ досужной мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаёкъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но потчасъ и въспей
Мнѣ пропасть наболтаешъ.
Газеты собираешъ
Со всѣхъ она споронѣ,
Все свѣдаешъ, узнаешъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ копоромѣ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала,
Ома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,

Антошка балабайку,
Играя, разломаль —
Спарушка все расскажишь,
Межь-нѣмь какъ юбку вяжешь,
Болшаешь все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечшаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни рифмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои пиворенья
Онъ съ жаромъ мнѣ чишалъ.
Ахъ! видно Богъ пыпалъ
Тогда мое перпѣнье!
Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный опъ службы
Маіоромъ опспавнымъ,
Зовепъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ - соль опкушашъ съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На рансой груди,

Вспомнишь ту башалю,
Гдѣ, ропы впереди,
Лепѣль на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождашь,
Но, Боже, виновать!
Я каюсь предъ Тобою,

.....
.....

Какъ папа, Иудея
Я вовсе не люблю,

.....

Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ шобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.

.....

БЕЗВѢРІЕ.

—

О вы! копорые съ извипельнымъ упрекомъ,
 Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ шого, кшо съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отраднѣй сердцу свѣтъ,
 Кшораго вся жизнь естъ мракъ и изсупленье:
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него — не шамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну пѣнь,
 Но въ пишинѣ смѣи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружеспвомъ, иль съ темною меч-
 пою —

Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною помимый пустошой;
 То горьки слезы льетъ; то — рабъ спраспей,
 волненья —

Напрасно ищеть онъ уныню развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простопы,
 Природы передъ нимъ открышы красопы;

Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ во-
дитъ:

Умъ ищешь божества, а сердце не находишь.
Наспигнешь ли его глухихъ судьбъ ударъ;
Опынешь ли вдругъ минувный счастья даръ;
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обнимешь онъ
измѣну

И невозвратную онъ имъ узнаешь цѣну:
Лишенный всѣхъ опоръ, ошпадный вѣры сынъ,
Ужъ видишь съ ужасомъ, что въ мѣръ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ мѣра.
Несчастные спрассей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ родясь осуждены;
Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быспрос
запмѣнье.

Когда холодна пма обѣмнешь грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблешь смертный часъ:
Ужасно чувствовашь слезы послѣдней муку
И съ мѣромъ начинашь безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра! ты стоишь у двери гробовой;
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой опускаешь.
Но, други, переживи ужаснѣ друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ, опрадою своей,

Живить унымый духъ и сердца ожиданье;
 «Наспаненъ — говоришь — назначенно свиданье.»
 А онъ, сльшой мудрецъ! у гроба споненъ онъ,
 Съ усладой быпія несчастный разлученъ,
 Надежды пихаго не внемлешь онъ привъша:
 Подходишь къ гробу онъ, взывасшь . . . нѣшь оп-
 вѣша!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ шѣхъ мѣсахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священный пылещъ прахъ?..
 Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Деліи его таицца пепель милой?
 Къ почившимъ позванный вечерней пишиной,
 Къ креспу приникнулъ онъ безчувспенной гла-
 вой;

Одинъ, съ опчаяньемъ, въ слезахъ ожеспоченья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумспѣ испуленья,
 Дрожишь! И между - шѣмъ, подъ сѣною шем-
 ныхъ ивъ,

У гроба мапери колѣна преклонивъ,
 Тамъ дѣва юная въ печали безмяпейной
 Возводитъ къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной.
 Одна туманною луной озарена,
 Какъ ангѣлъ горести является она;
 Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
 Все пихо; но она — какъ кажешся — внимаешь.
 Несчастный на нее въ безмолвіи глядишь,
 Поникнулъ головой, преспещенъ и бѣжишь;

Спѣвшишь онъ далѣе, по въ слѣдъ унынье бродитъ;
Тамъ умножаешь лишь поску души своей:

При древнемъ поржесивѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ паспыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ
Тревожишься его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зрится;
Съ померкшею душой святынѣ предспоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадою пихому внимаетъ онъ моленью.

« Счастливецъ! — мыслишь онъ — почто не мож-
жно мнѣ,

« Страспей бунпующихъ въ смиренной пишинѣ,
« Забывъ о разумѣ и нсмонномъ и спрогомъ,
« Съ одной лишь вѣрою повергнушья предъ Бо-
гомъ? »

Напрасный сердца крикъ! Нѣшь, нѣшь! не суж-
дено

Ему сей тайны знашь: безвѣріе одно,
По жизненной спезѣ во мракѣ вождь унымый,
Несчастлипаго влечешь до вѣчныхъ врапъ могилы!

КЪ Б — О В У .

—

Философъ рѣзвый и пѣпъ,
Парнаскій счастливый лѣннвецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Напереникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ злэшпсрунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Уже ль и ны, мечпашель юной,
Разспался съ Фебомъ наконецъ?
Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душиспыхъ,
Межъ кудрей вьющихся злпныхъ,
Подъ тѣнью щополей вѣпвиспныхъ,
Въ кругу красавиць молодыхъ,
Заздравнымъ не спучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поспь;
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣшовъ Парнаспкихъ вновь не рвешъ;
Не слышенъ нашъ Парни Россійскій;
Пой, юноша! — пѣвецъ Тинскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.

Съ побою швой прелестный другъ,
Лилепа, красныхъ дней опрада:
Пѣвцу любви любовь награда.
Настрой же лиру — по струнамъ
Лепай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладострастными стихами
И пихимъ шопопомъ любви
Лилепу въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ
Волшебной внемля пвишинѣ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Любви нѣшь болѣ счастья въ мѣрѣ;
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберушся,
И вина пѣнныя полююшся,
Опъ пѣвна съ шрескомъ свободась,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрышаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,

И спужъ блестящаго стекла;
 И госпи дружно спихъ веселой,
 Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
 Неспройнымъ хоромъ повпоряпть.
 Поэпть! въ пвоей предметы волъ!
 Во звучны струны смълю грянь,
 Съ Ж пой кроваву брань,
 И грозну смерть на рашномъ полъ.
 И ты въ спрояхъ ее вспрѣчалъ,
 И ты, постигнуный судьбою,
 Какъ Россъ, ципомецъ славы палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скошенный, не увялъ! *
 Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сапиры жаломъ;
 Подъ-часть прими ея свиспокъ,
 Рази, осмѣвай порокъ.
 Шуптя, показывай смѣшное,
 И, если мѣжно, насъ исправъ,
 Но Тредьяковскаго оспавъ
 Въ споль часто рушимомъ покоѣ;
 Увы! довольно безъ него
 Найдѣмъ безчисленныхъ поэповъ,
 Довольно въ мѣрѣ еспъ предметовъ
 Пера достойныхъ пвоего!

* Кому не извѣстны Воспоминанія 1807 года?

Но что? цѣвницею моею,
Безвѣспный въ міръ семь поэтъ,
Я пѣсни продолжаю не смѣю.
Прости — но помни мой совѣтъ:
Доколь, Музами любимый,
Ты Піэриды горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя молодой Назонъ,
Эропъ и Грація вѣнчали,
А лиру спроилъ Аполлонъ.

Р О М А Н С Ъ .

Подъ вечеръ, осенью несчастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣспахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ шрепешныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракъ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, поскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манишь напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ вина моя!
Меня на-вѣки ты забудешь...
Но не забуду я себя!
Дадуть покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣшей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирашь на ласки матерей.
Повсюду спранныкъ одинокой,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой...
Прости, прости погда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный,
Къ спрзданью осуждаешь насъ.
Пока льба не опогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милой! горькія печали
Не пронуть дѣлства психихъ дней!

Но вдругъ за роцей освѣпила —
Вблизи ей — хижину луна,
Блѣдна, препенуца, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она;
Склонилась, пихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи опвратила —
И скрылась въ темнотѣ ночной.

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

—

Нависъ покровъ угрюмой ноци
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ долъ и роци,
Въ сѣдомъ шуманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь ду-
бравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на лиспахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

* *
*

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣшила вокругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И опразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,

Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной краснѣ цвѣтешъ.

* *

Съ холмовъ кремнистыхъ водонады
Спекающъ бисерной рѣвкой;

Тамъ въ пихомъ озерѣ плескающа Наяды
Его лѣнливою волной;

А памъ въ безмолвіи огромные черпоги,
На своды опершись, несущя къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се - ль Минервы Росской храмъ?

* *

Не се - ль Елизіумъ полнощный,
Прекрасной Царскосельской садъ,
Гдѣ, льва еразивъ, почилъ орелъ Россіи моцный
На лонѣ мира и опрадъ?

Увы! промчались нѣ времена зланыя,
Когда подѣ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣща подѣ кровомъ пинины.

* *

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаешъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Возрвѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣ-
щаешъ :

« Исчезло все, Великой нѣтъ! »

И въ думу углублень, надъ злачными брегами
 Сидишь въ безмолвіи, склоняя вѣспрамъ слухъ;
 Пропекиши лѣта мелькающъ предъ очами
 И въ тихомъ восхищеніи духъ.

* *
 *

Онъ видишь: окружень волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалою
 Вознесся памятникъ *. Ширяся крылами,
 Надъ нимъ сидишь орелъ молодой.

И цѣпи тяжкія и спрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа прикрапы обвились,
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

* *
 *

Въ пѣни гуспой угрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ проспой.
 О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поно-
 сень

И славень родинѣ драгой!
 Безсмертны вы во-вѣкъ, о Русски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдешъ молва изъ рода въ родъ.

* *
 *

* Въ честь графу А. Г. Орлову-Чесменскому.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы Россіянъ!
 Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
 Попомки грозные Славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, спрашась, дивился міръ;
 Державинъ и Пепровъ героямъ пѣснь брящали
 Струнами громозвучныхъ лиръ.

* *
 *

И пыи промчался, незабвенный!
 И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя и ужасы военны:
 Страдашь — еспь смершнаго удѣлъ.
 Блеснулъ кровавый мечъ въ неукропимой длани
 Коварспивомъ, дерзоспью вѣнчаннаго царя.
 Возспалъ вселенной бичъ — и вскорѣ люшой
 брани
 Зардѣлась грозная заря;

* *
 *

И быспрымъ понеслясь попокомъ
 Враги на Русскія поля.
 Предъ ними мрачна спспь лежишь во снѣ глу-
 бокомъ,
 Дымится кровію земля,
 И селы мирныя и грады въ мгль пылаюптъ,
 И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавилъ плугъ.

* *
*

Идутъ; ихъ силъ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!... Идутъ въ дали шуман-
ной... —

Звучатъ кольчуги и мечи!

* *
*

Спрашисъ, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и спаръ и младъ, летятъ на дерзно-
венныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Воспрепечи, тиранъ! ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ рапникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасъ въ пылу сра-
женья

За Вѣру, за Царя.

* *
*

Репивы кони бранью пышутъ,
Усыявъ рапниками долъ,

За строемъ спрой печепъ; всѣ мессью, славой
дышупъ,

Воспоргъ во грудь ихъ перешель;
Лстятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищупъ,
И се — пылаешъ брань; на холмахъ громъ гремишъ,
Въ сгущенномъ воздухъ съ мечами спрълы сви-
щупъ,

И брызжешъ кровь на щипъ.

* *
*

Сразились — Русской побѣдипель!
И вспяшъ бѣжитъ надменный Галль;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержипель
Лучемъ послѣднимъ увѣичалъ;

Не здѣсь его сразилъ воипель посѣдѣлый;
О Бородинскія кровавыя поля!

Не вы исповству и гордоспи предѣлы:
Увы! на башняхъ Галль Кремля!...

* *
*

Края Москвы, края родныс,
Гдѣ на зарѣ цвѣшущихъ лѣтъ
Часы безопасности я прапиль золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей опщизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жерипу не принесъ я мщенья вамъ и жизни...

Воипце лишь гнѣвомъ духъ пымалъ!

* *
*

Гдѣ нынѣ, краса Москвы споголавой,
 Родимой прелесть споронны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
 Развалины теперь однѣ.
 Москва! сколь Русскому швой зракъ унылый спра-
 шецъ!
 Исчезли зданія всльможей и Царей,
 Все пламень испребидь, вѣнцы зашмились ба-
 шень,
 Черпоги пали богачей.

* *
 *

И тамъ, гдѣ роскошь обипала,
 Въ сѣнисныхъ рощахъ и садахъ,
 Гдѣ мирпъ благоухалъ и лица препенала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной лѣпней поци
 Веселье шумное пуда не полепипъ,
 Не блещупъ ужъ въ огняхъ брега и свѣшлы
 рощи —
 Все мертво, все молчипъ...

* *
 *

Упѣшья, мапъ градовъ Россіи,
 Возри на гибель приплца.
 Опягопѣла днесъ на ихъ надменной выи
 Десница мешлиця Творца.
 Взгляни: они бѣгушъ, озрѣшья не дерзаюшъ,

Ихъ кровь не преспаешъ въ снѣгахъ рѣками печь,
 Бѣгущъ — и въ шмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
 срѣшающъ,
 А съ пыла гонитъ Россовъ мечъ.

* *
 *

О вы, которыхъ препешали,
 Европы сильны племена,
 О Галлы хищныя! и вы въ могилы пали...
 О спрахъ! о грозны времена!
 Гдѣ пы, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ,
 Въ гордынѣ возмечшавъ мечемъ низвергнувъ про-
 ны? —
 Исчезъ, какъ ушромъ спрашной сонъ!

* *
 *

Въ Парижѣ Россъ! — Гдѣ факелъ мщенья!
 Поникни, Галлія, главою!
 Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
 Грядешъ съ оливою злапой;
 Еще военной громъ грохочешъ въ опдаленьи,
 Москва въ унынїи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
 А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
 И благопворный миръ землѣ.

* *
 *

Достойный Внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ
дружины,
Мой духъ восторгомъ не горись!
О, если бѣ Аполлонъ пѣшовъ даръ чу-
десной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лиръ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во пѣмъ время!

* *
*

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламенен-
ной,
Взгреди на арфѣ золотой;
Да снова спройный гласъ Герою въ честь про-
лещся,
И струны препетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

1 8 1 5.

—

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачною Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя шихонько пробѣгала
Тумацная луна;
Уже на западѣ съдой, одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ во тмѣ ночной надъ дикою скалою

Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губилсея пѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И, къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ шуманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплывешъ ни уплытый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоститъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ . . .

О, скоро ли, напѣясь подь рулями,
Меня помчипть покорная волна,
И спящихъ водъ прервется пишина?...
Волнуйся, ночь, надъ Эльбскими скалами,
Мрачѣе пмись за тучами, луна!
Тамъ ждущъ меня безспрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуны въ спрой!
Ужъ міръ лежипть въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозъ черныя тучины,
И грану вновь погибельной грозой!
И вспыхнепть брань! за Гальскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полешипть,
Кровавой шокъ въ долинахъ закипипть,
И проны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щипть!...
Но вкругъ меня все мершвымъ сномъ почило,
Легла въ шуманъ тучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни упшый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоепть надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, машежной думы полнъ...

О счастье! злобный обольспипель!

И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось опъ очей,
Средь бурей шайный мой хранипель
И вѣрный пѣспунъ съ юныхъ дней!
Давно ль, невидимой спезею
Меня ко прону ты вело
И скрью дерзосипной рукою

Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно ли съ прелепомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вокругъ меня,
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!...

Полночи Царь молодой! Ты двинулъ ополченья,
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отпозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ и радость небесамъ,
А мнѣ — позоръ и започенье!
И раздробленъ мой звонкій щипъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злѣкѣ мечъ забыть
И шукнетъ на туманъ.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудятся мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое степенанье.

Лишь плещущимъ волнамъ внимаешь жадный
слухъ;

Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факель мщенія попухъ.

Но близькожь часть! грядеть минуша роковая!
Уже лешипь ладья, гдѣ грозный пронь сокрыпть;

Кругомъ простерта мгла густая

И, взоромъ гибели сверкая,

Блѣднѣющій мяшежь на палубѣ сидипь.

Спрашись, о Галлія! Европа! мщенье, мщенье!

Рыдай! швой бичь возспалъ — и все падеть во
прахъ,

Все сгибнеть — и погда, въ всеобщемъ разру-
шеньѣ,

Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны пѣни,

И мѣсяць, дальнихъ шучь покинувъ шемны сѣни,

Дрожащій, слабой свѣпъ на западъ изливаль;

Восточная звѣзда играла въ океанѣ,

И зрѣлася ладья, бѣгущая въ шуманѣ

Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ —

И Галлія тебя, о хищникъ! осѣнила;

Побѣгли съ шрепешомъ законные цари.

Но зришь ли? гаснеть день, мгновенно мгла со-
крыла

Лице пылающей зари,

Простерлась пишина надъ бездною сѣдою,

Мрачнися неба сводъ, гроза во мглѣ висипь,

Все смолкло... шрепещи! погибель надъ шобою

И жребій швой еще сокрыпть!

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРОПУЩЕННЫЯ

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛНОМЪ ИЗДАНІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

В. Л. П — ну.

Что восхищительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ;
И что завиднѣй крапкихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шапкахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и Грацій,
Какъ жилъ безсмертнѣй прусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаюшъ свѣша принужденья,

*

Не вѣдають, что скука, страхъ,
Дають обѣды и сраженья,
Поють и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто миль и спрашенъ міру,
Объ комъ за пѣсни, за дѣла
Гремишь правдивая хвала;
Кто славишь Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

КЪ Ю . . . В У.

Любимецъ въпреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй сносишь, мой Адонисъ,
Ея минушныя обиды!
Она дала красы молодой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усь и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ себя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пышныхъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры
Къ тебѣ красавиць молодыхъ
Лешащъ задумчивые взоры. . .
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Бышь долженъ сладокъ, милый мой,

Безпечности самолюбивой —
И счастливъ ты своей судьбой.
А я — повѣса вѣчно праздный,
Попомокъ Негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая спраданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
Съ невольнымъ пламенемъ ланишь,
Украдкой Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленю,
Печальные стихи пвердила въ пишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрашивать;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня на-вѣкъ обьметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
« Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одол-
женъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ. »

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая! я знаю, опчего
Ты съ нынѣшней весной опъ нашихъ игръ оп-
стала;

Я тайну сердца швого
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Кларисъ въ шебя влюбленъ; онъ молодъ — и не
разъ

Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;
Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горишь...

И долго послѣ, Галашея!
Улыбку нѣжную лицо швое хранипъ.

ЗАГАДКА.

(При посылкѣ бронзоваго сфинкса.)

(Писано, вѣроятно, къ Дельвингу.)

—

Кто на снѣгахъ возраспиль Теокрыповы нѣж-
ныя розы?

Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой уга-
далъ?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а ро-
домъ Германецъ?

Вошь загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

—

НОВЫЯ С Т Р О Ф Ы

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

—

Сокровище роднаго слова,
Замыпанъ важные умы,
Для лепетанія чужова
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣцій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Но гдѣ жъ онѣ? давайше ихъ!
Конечно: Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой Славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны звуки
Усыплены: но дорожишь
Одними звуками пѣишь.
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ примѣняемъ испытанья?

Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,

 Поэты наши переводящъ
 Или молчащъ; одинъ журналъ
 Исполненъ припорныхъ похвалъ,
 Топъ брани плоской; всѣ наводящъ
 Зъвошу скуки, чупъ не сонъ:
 Хорошъ Россійскій Геликонъ!

(Главы III строфа 10.)

Увы, друзья! мелькають годы —
 И съ ними въ слѣдъ одна другой,
 Мелькають вѣтренныя моды
 Разнообразной чередой.
 Все измѣнилось въ природѣ!
 Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
 Придворный франтъ и ростовщикъ
 Носили пудреный парикъ;
 Бывало, нѣжные поэмы,
 Въ надеждѣ славы и похвалъ,
 Точили понкій мадригалъ
 Иль оспроумные куплеты;

Бывало, храбрый генераль
Служилъ — и грамопы не зналъ.

(Главы III строфы 25 и 26.)

О вы! которыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось шайную печать
Съ письма любезнаго срыватьъ,
Иль робко въ дерзосныя руки
Завѣшный локонъ опцдаватьъ,
Иль даже молча позволятьъ
Въ минушу горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —
Не осуждайте безусловно .
Тапьяны въпреной моей;
Не повпоряйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрѣка!
Которыхъ даже рѣчь порока
Спрашите сегодня какъ змія —
Совѣшую вамъ поже я.

Кпо знаетъ? пламенной поскою
Сгорите, можесть бышь, и вы —
И завпра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой поржеспво:
Любви васъ ищепъ божеспво.

Ж Е Н Ц И Н Ы.

(Отрывокъ изъ *Евгенія Онегина*.)

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я спавилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь шолько разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-шо чиспымъ божеспвомъ.
Владѣя чувспвами, умомъ,
Она сіяла совершенспвомъ.
Предъ ней я шаялъ въ шипинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженспвомъ.
Жишь, умерешъ у милыхъ ногъ —

Инаго я желань не могъ.
 То вдругъ ее я ненавиждьль,
 И шрепешалъ и слезы лиль,
 Съ поскою и ужасомъ въ ней видьль.
 Созданье злобныхъ, пайныхъ силъ;
 Ея пронзительные взоры,
 Улыбка, голосъ, разгворы,
 Все было въ ней оправлено,
 Измѣной злой напоено,
 Все въ ней алкало слезъ и спона,
 Питалось кровію мосей...
 То вдругъ я мраморъ видьль въ ней
 Передъ мольбой Пигмаліона
 Еще холодной и нѣмой,
 Но вскоръ жаркой и живой.

* * *

Словами вѣщаго поэта
 Сказаць и мнѣ позволено:
 Темира, Дафна и Лилепа —
 Какъ сонъ забыты мной давно.
 Но еспь одна межъ ихъ полною...
 Я долго былъ пльненъ одною...
 Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
 И гдѣ, и долго ли? ... зачѣмъ
 Вамъ эпо знать? не въ эпюмъ дѣло!
 Чтѣ было, то прошло, то вздоръ;

А дѣло въ томъ, что съ эгихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и темно.

* * *

Дознался я, что дамы сами,
Душевной шайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣспи цѣня.
Воспорги наши своенравны
Имъ очень кажупся забавны;
И право съ нашей спороны
Мы непростипельно смѣшны.
Закабалась неоспорожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будшо пребовашъ возможно
Опъ мошылковъ иль опъ лилей
И чувствъ глубокихъ и спрастей!

ЭПИГРАММА.

(Изъ Антологіи.)

—

Лукъ звѣнишь, стрѣла препенещь,
И клубясь издохъ Пиѳонъ;
И свой ликъ побѣдой блещешь,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой испуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Мипрофанъ!

—————

КЪ КАВЕРИНУ.

1 8 1 7.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Мишушной рѣзвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшенъ и въпреный спарикъ,
Смѣшенъ и юноша спесивный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминае;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай ропшане:
Она не вѣдастъ, что дружно можно житьъ
Съ Киѳерой, съ поршикомъ, и съ книгой и
съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрытьъ
Безумпой шалости подъ легкимъ покрыва-
ломъ.

Э Л Е Г І Я.

—

Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной
Она помилась, увдала. . . .
Увляла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая пѣнь уже лепала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувственно возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ успѣ я слышалъ смерти
вѣспѣ,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжельмъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, помилельной шоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной пѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

1825.

—

ЭПИГРАММА.

—

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
« Охопа есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ? »
Пятнадцать. — « Только-то? Эй, розгу! »
Засимъ принесъ семинаристъ
Тепрадъ лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Опяжелѣвъ, какъ опъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И попчасть взрослога болвана
Поставивъ въ палки приказалъ.

—————

КЪ ЯЗЫКОВУ.

—

Къ тебѣ собирався я давно
Въ Нѣмецкій градъ, побой воспѣтый,
Съ побой попишь, какъ пьютъ поэмы
Тобой воспѣное вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оспавилъ былъ совѣтъ гошовъ
Невою Невскихъ береговъ.
И чпо жъ? гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хошь нѣтъ охоты,
Прикованнымъ оспался я.
О юношь, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, упоная,
Займодавецъ убѣгая,
Гошовъ былъ всюду я лепѣть.

Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнливыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклінаю
Я пажесць денегъ и годовъ.
Проспи, пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіяпельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плаши своихъ долговъ,
По праву Русскаго дворянства.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

—

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными спраспиями,
О жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Спремипся до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣпиль.

—

ЭПИГРАММА.

Обиженный журналами жестоко,
Зоиль Пахомъ печалился глубоко.
Вопль подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: *такой-то-де старикъ*
Козель въ откахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь и подль — все это будетъ личность;
Но можете печатать, напимърь,
Что «*господинъ парнасскій старовърь*
Въ своихъ спапьяхъ нелъпицы орапоръ,
Опмънно вяль, опмънно сучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тупъ не лицо, а только липераторъ.

КРИВЦОВУ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ.

—

Когда сожмешь ты снова руку,
Кошорая шебѣ дариниѣ,
На скучный цушь и на разлуку,
Вошь эпу книжечку Хариниѣ?
Амурѣ нашель ее въ Циперѣ,
Въ архивѣ шалоспи молодой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочесшивою душой.
Проспи, Эникурсецѣ мой!
Оспанься вѣкъ, каковѣ ты нинѣ!
Лепи во мрачный Альбионѣ!
Да сохранишѣ тебя въ чужбинѣ
. и вѣрный Купидонѣ!
Неси въ чужой предѣль пенаша;
Но помни прежни дни свои,
Люби недѣвственнаго брата,
Спрадалыца чувспвенной любви.

© Марта, 1818.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ лиспозъ завышнихъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ сполъ моемъ
Уже давно безъ спрокъ привышнихъ
Залежался твоей Альбомъ.
Въ имянины, очень кешапи,
Пожелалъ тебѣ я радъ
Много всякой благодапи,
Много сладоспныхъ опрадъ, —
На Парнасѣ много грома,
Въ жизни много пихихъ дней,
И на совѣспи твоей
Ни единаго Альбома
Опъ красавиць, опъ друзей.

ВЪ АЛЬБОМЪ МАЛЮТКЪ.

—

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденій
Ты рождена.
Чась упоеній
Лови, лови!
Младья лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

—

ОБЪЯСНЕНІЕ.

—

Одно стихопвореніе, напсчашанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ копоромъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихопвореніе заключаешъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, копорый въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды опспуиленія, всю опвѣсптвенность за неизбѣжные уроны, предоспавя своему безсмертному преемнику славу оппора, побѣдъ и полного шоржеспва. Я не могъ подумашъ, чшо бы шупть можно было увидѣшъ намѣреніе оскорбшъ чувспво народной гордоспш и спшараніе унизшш священную славу Купузова; однако жъ меня въ шомъ обвинили.

Слава Купузова неразрывно соединена со славою Россш, съ памяшью о величайшемъ собы-

пні новѣйшей исторіи. Его импю: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и спать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарушинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ спасаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарахъ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Не ужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзи не позволено произнести его имени съ участвіемъ и умиленіемъ? Вы упре-

какие стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, по кѣмъ и когда? . . . Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его опиступленіе, которое нынѣ является ленивымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропсалъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власнѣ, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, оспавенся навсегда въ испоріи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Купцова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвыситься, ни унизиться того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на высшую степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ,

соопечественники мои могли подозрѣвать низкую и пресупную сапиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею свяпой
Стою съ поникшею главою...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золопятъ
Сполбовъ граничныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маспильный спражъ страны державной,
Смиришель всѣхъ ся враговъ,
Сей оспальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ пивоемъ гробу восторгъ живень!
Онъ Русскій гласъ намъ издастъ;
Онъ намъ пвердишь о той годишь,
Когда народной вѣры гласъ
Возвалъ къ святой пивоей сѣдинъ:
«Иди, спасай!» Ты вспаль — и спасъ ... и
проч.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМЪ (ВЪ ЕГО МОЛОДОСТИ)

КЪ ОДНОМУ ТОВАРИЦУ И СОВОСПИТАННИКУ ЕГО

ПО ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon
portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt
fait
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes:

Point sot, je le dis sans
façon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbone —
Plus ennuyeux et plus brail-
lard
Que moi même en personne.

Ma taille à celle des plus
longs
Ne peut être égalee;
J'ai le teint frais, les che-
veux blonds
Et la tête bouclée.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня пор-
трета моего,
Но — списаннаго съ натуры;
Любезный другъ, онъ скоро
будеть готовъ,
Хоть и въ миниатюрѣ.

Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ клас-
совъ.

Не глупъ, сознаюся въ томъ
безъ чиновъ
И безъ притворныхъ ужимокъ.

Не бывало еще ни болтуна,
Ни Сорбонскаго доктора,
Скучнѣе и горластѣе

Моей особы.

Станъ мой съ высокими

Не можетъ быть въ уровень;
Я съѣжъ лицомъ; волоса мои
блѣлоктуры*.

А голова курчава.

* Въ молодости Пушкина волоса его были светлорусы.

| | |
|---|--|
| <p>J'aime et le monde, et son fracàs, Je haïs la solitude;</p> <p>J'abhorre et noises et dé- bâts, Et tant soit peu l'étude.</p> <p>Spectacles, bals me plai- sent fort, Et d'après ma pencee, Je dirais ce que j'aime encor... Si n'étais au Lycée.</p> <p>Après celà, mon cher ami, L'on peut me reconnaître: Oui! tel que le bon Dieu me fit, Je veux toujours paraitre.</p> <p>Vrai démon pour l'espiè- glerie, Vrai singe par sa mine Beaucoup et trop d'étour- deric. Ma foi — voila — Pouchkine.</p> | <p>Люблю и свѣтъ и шумъ его, Не ненавижу одиночество;</p> <p>Терпѣть не могу досаду и перекорогъ *, А — отъ малой части — и ученья.</p> <p>Спектакли, балы мнѣ очень правятся **. И — по душѣ (по мысли) — Сказалъ бы, что еще люблю... Еслибъ не находился въ Ли- цей.</p> <p>Послѣ этого, милый другъ, Узнать меня можно: Да! такимъ, какъ Богъ со- здалъ меня, Хочу всегда казаться.</p> <p>Настоящій демонъ въ на- лостяхъ, Настоящая обезьяна по виду, Я вѣтренникъ большой и даже черезчуръ. Почести таковы — Пушкинъ.</p> |
|---|--|

* Прекрасное свойство автора — родное не вѣсьмъ литераторамъ нашего вѣка.

** Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неизгладимая — какъ истинный гений. Таковъ именно былъ юноша Пушкинъ, когда присылалъ мнѣ первые стихи свои для печати. И теперь еще храню я, какъ кладъ, собственноручное письмо его, въ которомъ онъ напоминалъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти.

Примѣчашя и переводъ стиховъ — Ш. К — ва.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.



ПРОДАЮТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ
книжныхъ лавкахъ издателей:
Коммиссіонера Императорской Академіи Наукъ и
Департамента Народнаго Просвѣщенія Почетн. Гра-
жданина *Ильи Ив. Глазунова*
и
Коммиссіонера Императорской Россійской
Академіи *Матвѣя Ив. Заикина.*